

**ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ**

ВАРВАРСКИЙ
БЕРЕГ

Закон меча

Валерий Большаков

Варварский берег

«Махров»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Большаков В. П.

Варварский берег / В. П. Большаков — «Махров»,
2015 — (Закон меча)

ISBN 978-5-17-093320-4

Олег Сухов, выходец из нашего времени, отменный боец и капитан пиратов, покинул Карибское море. Он больше не пират. Теперь он служит королю Франции, истребляя пиратов с Варварского берега, алжирских да турецких, держащих в страхе всю Европу. Вопрос: зачем Сухову Варварский берег? Ответ: там, у границы Сахары, стоит таинственная Крепость ифритов. Вот она-то и нужна нашему герою! Но только добраться до нее ой как непросто.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-093320-4

© Большаков В. П., 2015
© Махров, 2015

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	11
Глава 3,	15
Глава 4,	20
Глава 5,	25
Глава 6,	35
Глава 7,	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Большаков

Варварский берег

© Валерий Большаков, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1, в которой Олегу Сухову приходится туго

Бискайский залив, близ устья Шаранты и острова Олерон. 1671 год

Ядро просвистело по-над самой палубой «Ретвизана», ломая балясины фальшборта¹.

Горячий чугунный шар махнул совсем рядом с Олегом – снаряд гадостно зудел, так и норовя оттяпать руку или ногу, а то и вовсе располосинить организм. По спине сквозануло холодком.

– Залп верхним деком! Последовательно! – скомандовал Сухов и дал отмашку.

Пушки на палубе с левого борта заряжали, по очереди выбрасывая ядра и кутаясь в плотные клубы порохового дыма.

Голландская шнява почти успела развернуться к «Ретвизану» кормой, сверкнув затейливо выложенными буквами: «Мауритиус». Чуть в стороне от нее вскинулись белые фонтаны воды, ядрами взбитой в пену.

Перелет.

– Попал!

Парочка чугунок все-таки достала верткую шняву, проковыряв в борту черные зияния, но выше ватерлинии – волны в пробоины захлестывать не будут. А жаль.

«Мауритиус» огрызался, открывал огонь из мушкетов, «горячие голландские парни» даже пушку перезарядили и пальнули картечью.

– Тысяча чертей! – процедил Олег. – К повороту оверштаг, морячки-корсарчики!

Флейт «Ретвизан» держал курс на юг. С левого борта открывался вид на остров Олерон – песчаные пляжи, хвойные леса да соленые болота. На фоне елей белела цитадель.

– Поворот!

«Мауритиус» болтался между островом и флейтом – слишком далеко от пушек Шато-д'Олерон, зато от «Ретвизана» – на дистанции мушкетного выстрела. – Лево руля! Раздернуть фока и кливеров шкоты!

Корабль покатился к ветру.

– Фок на вантах! – доложили с бака.

– Отдать грота-шкот! Грот на гитовы!

«Морячки-корсарчики» живенько убрали грот и взялись за бизань, вынося паруса на ветер.

– Отдать фока-галс!

Все паруса на фок-мачте были быстро обрасоплены, шкоты кливеров перенесены налево, шустро и бегом. Флейт плавно разворачивался к «Мауритиусу» правым бортом.

– Капитан! – крикнул Ташкаль. – Этим идти подкрепление!

Сухов раздвинул подзорную трубу.

Слева по борту, в открытом море, хорошо был виден голландский бриг, спешивший на помощь шняве. Он шел круто к ветру, задувавшему с берега, выписывая зигзаг переменными галсами.

Ну, пока бриг дотелепается, brave канониры «Ретвизана» успеют перезарядить орудия.

Нет, но какова наглость! Чуть ли не на пороге Рошфора, базы, между прочим, Флота Океана, напасть на французскую галеру!

Вон она, качается на волнах – фок-мачта перекосилась, грот-мачта и вовсе сбита, весла – в дрова...

¹ Сноски к непонятным словам или терминам размещены в конце книги.

Зато надстройка на корме разукрашена, изукрашена, вызолочена. Как галерку окрестили хоть? Сухов поднес к глазам трубу.

«Реаль». Ну, конечно...

Кабы не «Ретвизан», голландцы с «Мауритиуса» накрыли бы галеру вторым залпом, а так все ядра достались Олегу со товарищи. Ну не бросать же своих – как-никак, на мачте флейта полоскался белый флаг Королевства Франции.

Пиратствуя с Генри Морганом по городам и весям Вест-Индии, Сухов не слишком-то интересовался происходящим в Старом Свете.

Вроде как Нидерланды, в союзе с Испанией и еще с кем-то, были на ножах с Францией и Англией. «Голландская война».

Но сейчас-то перемирие!

– Готово, капитан! – проорал Илайджа, черный от сажи, как негр, и белозубо оскалился.

– Залп лагом!

Загрохотали пушки по правому борту, накрывая нахальную шняву.

Палуба под ногами капитана вздрогнула, жаром пальбы дохнуло в лицо.

«Реаль» сделала попытку развернуться, дабы сказать свое веское слово и ударить с кормы, где у галеры имелось пять орудий приличного калибра, но маневр выходил плоховато.

Впрочем, «Мауритиусу» и без того досталось.

– Капитан! Там еще один!

– Ах, чтоб вас...

Вражеский бриг раздвоился будто – на подмогу шняве торопилось сразу два корабля!

В трубу было хорошо видно, как из-за ближнего к «Ретвизану» двухмачтовика вышел дальний, словно зеркальное отражение. Только красно-бело-синие выпелы на мачтах относило в одну сторону.

Оба брига шли к берегу, лавируя, и решение к Сухову пришло как бы само собой.

– Илайджа! Бастиан! Кэриб! Это самое... Пушки верхней палубы зарядить книппелями! Каждую третью – картечью! Пушки нижней – ядрами!

– Да, капитан!

– Айюр! Ташкаль! Готовьте своих – чувствую, без abordaja не обойдемся!

– Сделаем, капитан!

Из двери, ведущей в надстройку, показалась Флора.

Олег сделал грозное лицо, и девушка понятиливо скрылась.

– Сеть натянуть! Мушкетеры – готовься!

Команда забегала, развешивая над палубой сеть, сплетенную из обрывков троса, – этого требовала «техника безопасности».

Ежели пушкеры с подоспевших бригав окажутся меткими, то обломки рангоута не попадут на головы, а задержатся в ячейках сети.

Чернокожий Прадо сноровисто выводил мушкетеров, Айюр расставлял стрелков из фальконетов.

На шняву Сухов уже не обращал никакого внимания. С одной порядком потрепанной мачтой, с внушительными брешами в борту, с перебитыми снастями – «Мауритиус» не внушал опасений.

Но французская галера развернулась-таки и дала залп. Двадцатичетырехфунтовые снаряды, выпущенные почти что в упор, с грохотом и треском взломали шняве корму, а тут и остальные бойцы-галерщики открыли огонь из фальконетов – ядра величиной с яблоко проламывали доски и рвали тела немногих уцелевших на борту «Мауритиуса». Отомстили, называется.

– Проснулись! – захохотал рулевой, рукой тыча в сторону острова.

И впрямь – бастионы Ле-Шато-д'Олерон окутались дымом.

Глухо донеслось гроыханье канонады, но даже дальнобойные орудия цитадели ничем не могли навредить голландцам. Попугать разве.

– К повороту фордевинд! Поворот!

Со скрипом и шорохом натянулись снасти. Заполоскал фок, но живо поймал ветер и снова надулся, округлился.

Флейт заскользил в море, навстречу бригам.

На шканцы поднялись Айюр, Бастиан, Голова, Джимми Кид, Ташкаль.

– Отдубасим голландцев? – ухмыльнулся Малыш.

Олег кивнул.

– Кстати, да. Это самое... Выбора особого нет. Или будем сопровождать галеру до Рошфора, хотя бы до олеронской цитадели, и тогда голландцы нападут на нас, или атакуем сами – сейчас, с попутным ветром!

В двух словах изложив незамысловатый план, Сухов отпустил своих офицеров.

Оба брига шли в лавировку, зигзагом. Ход почти против ветра лишил их особого маневра, и всё же...

Двое на одного. Хотя...

На каждом из бригов по дюжине пушек, шесть орудий на борт. Скорее всего, не шибко серьезные четырехфунтовки – даже для одной такой, чтобы обслужить, требуются усилия троих пушкарей. Не будут же голландцы возить с собой целую ораву канониров!

А «Ретвизан» вооружен восьмифунтовками – двадцать четыре штуки на обеих палубах.

Получается, что по числу стволов флейт сравнялся с бригами, зато его бортовой залп мощнее вдвое.

Вот такая нехитрая арифметика.

И есть еще парочка длинноствольных трехфунтовок в носовых портах. С них и начнем.

– К бою!

О чем думали голландцы, наблюдая за флейтом, следующим им навстречу, неясно.

Возможно, решили, что французы перещеголяли их в наглости. Переть напролом, поправ всякую осторожность...

И брига стали расходиться, решив, видно, взять «Ретвизан» в два огня. Ну-ну...

– Илайджа! Засади-ка по тому, что справа, из погонных! – Слушаюсь, капитан!

Вглядевшись в трубу, Олег различил название правого – «Грооте Маане». Сейчас мы тебя!..

Носовые орудия грохнули дуплетом, посылая свои ядра по бригу, правым бортом наполовину развернувшегося к флейту.

– Право руля!

Один из снарядов угодил по фальшборту «Грооте Маане», совсем рядом с портом, из которого торчал ствол пушки, и сбил канонира, как кеглю.

Другой расколотил блок, натягивавший фока-шкот. Снасть хлестнула бичом, и угол паруса захлопал, выворачиваясь и полоща.

Голландцы не стерпели – борт окутался дымом, и грянул залп. Что и требовалось доказать.

Взяв вправо, «Ретвизан» подставлял бригу практически один нос, так что усилия голландских канониров пропали даром – лишь одно ядро втесалось в скулу флейту, особых бед не причинив.

Однако носовые орудия флейта целились сразу в двух зайцев – уберегаясь от «Грооте Маане», Сухов развернул «Ретвизан» бортом к другому бригу (название которого Олегу всё никак не удавалось рассмотреть), провоцируя голландца на залп.

И тот поддался. Пальнул лагом, хоть и пребывал далековато от флейта.

Ядра всё же наделали бед: перебили снасть, продырявили парус, с треском вломились в борт.

– Нижний левый дек – огонь!

Залп расколол воздух, туча дыма застила голландский бриг, а когда клубы рассеялись, Сухов убедился, что калибр имеет значение – за проломленным фальшбортом «голландца» виднелись две разбитые пушки и мертвые тела.

Корсары дружно взревели: неплохо они всыпали любителям тюльпанов! Будут помнить!

– Верхний дек – огонь!

Теперь в дело вступили книппели и картечь. Словно невидимые руки злобного великана, принялись они рвать снасти и паруса, кромсать человеческие тела.

– На abordаж! – крикнул Олег, рукою с палашом указывая на «Грооте Маане».

На палубе брига царил суета сует и полная неразбериха – моряки бегали, то за снасти хватаясь, то кидаясь к пушкам.

– Нижний правый дек – огонь! Верхний – огонь!

Флейт ощутимо тряхонуло.

Тяжелые ядра впивались в борт голландского корабля, застревая или проламывая крепко сбитое дерево. Книппели, со зловещим гудением раскручиваясь, сбивали ванты и головы, картечь язвила живую силу, дырявила паруса, будто железной метлой вычищая палубу.

– Мушкетеры – товсь! Пли!

Ряд abordажников в гребенчатых шлемах-морионах поднялся из полуприседа, вскидывая тяжелые ружья. Выстрелили вразнобой и тут же уступили место парням, раскручивавшим цепи с abordажными крючьями.

Разлапистые кошки со стуком и грохотом вонзались в фальшборт брига, а корсары, крича непристойности, подтягивали «Грооте Маане», пока оба корабля не сошлись.

И наступила самая кровавая фаза морского сражения: экипаж «Ретвизана» – опытные, закаленные в боях пираты – с ревом и воем повалил на палубу брига.

Голландцев оказалось куда больше, чем Олег ожидал увидеть, но остановить его молодец не смог бы и сам дьявол.

Несколько пистолетных выстрелов мигом угасли в лязге и звоне скрестившихся клинков, в рыке и уханье свирепых рубак.

Джимми Кид, широкоплечий гигант, неистовствовал, орудуя двумя abordажными саблями зараз, снося противникам головы, отрубая руки, распарывая животы, накалывая печенки...

Чернокожий Прадо, пуча глаза и щерясь злобно, лихо набрасывался на врагов и, нанося травмы, не совместимые с жизнью, отскакивал. И снова накидывался, пока противник не падал, бездыханный.

– Бей их!

– Руби! Коли!

– Ташкаль, сзади!

– Готов!

– Врежь гаду!

– Илайджа, заряжай!

– Заряжаем! Скоро уже!

Олег, стоя на шканцах, наблюдал за вторым бригам.

Досталось тому изрядно, но голландцы не сдавались – корабль, описывая широкую дугу, заворачивал влево, спеша на выручку «Грооте Маане». Или попросту развернется, да и махнет до дому.

Сухов ухмыльнулся. Ну, пока они там будут кренделя по воде выписывать, он успеет поучаствовать в общей свалке!

А то давно уже никого не абординовали, грех упускать такой случай – кровь согреть!

Корпус флейта в разрезе походил на грушу – это хитрые голландцы так придумали, чтобы пузатый трюм был шире палубы. Пошлину платили меньшую.

А при abordage округлый борт не позволял сойтись с призовым судном впритык. Ну да перескочить с палубы на палубу – не проблема.

Заткнув пистолет за кушак, Олег ухватил покрепче палаш и перепрыгнул на шканцы «Грооте Маане» почти без разбега.

А бой был в самом разгаре.

Команда на команду – этот этап уже прошли, сражение распалось на малые очаги, где бились один на один. Или три на одного, это уж как получится.

Приседая после прыжка, Сухов заодно уберег свою голову от режущего воздух палаша.

Бледнолицый голландец, судя по камзолу, офицер, уже не поспевал покончить с Олегом обратным движением abordажной сабли – суховский палаш прободал его от низа живота и до... И до смерти. Готов.

Выдернуть увязший клинок Сухову помешали двое бросившихся к нему наперегонки.

Олег выхватил пистолет и разрядил его в первого из пары голландцев. Пуля, пройдя навылет, окропила горячей кровью бежавшего следом, и тот круто затормозил, вдруг сделав открытие – так ведь и убить могут!

Осознать это и перековаться в пацифиста не хватило времени – лезвие Олегова палаша распорол живот так и не добежавшему.

Олег оглянулся – на шканцах никого, одни мертвяки. Зато на палубе – гвалт и лязг. Корсары брали верх, они врубались в голландцев, как сборщики в сахарный тростник.

Бой был близок к завершению, и Сухов решил, что хватит ему тактикой баловаться, пора и о стратегии подумать.

Вернувшись на палубу «Ретвизана», он взбежал по ступеням на шканцы.

Второй бриг уже развернулся, явно намереваясь уходить на север, от греха подальше.

Правда, пушки с его правого борта заряжены. Как только корабль выйдет на дистанцию, он даст залп. Может дать...

Неожиданно прямо на палубе голландской посуды вспухли клубы дыма. Докатился грохот – по звуку Сухов опознал мортиру-двенадцатифунтовку.

«Не дай бог, бомба!» – мелькнуло у него.

Бомбические пушки были большой редкостью, но они все-таки встречались. Правда, вести прицельный огонь из мортиры не получалось, а заряжать бомбами длинноствольные орудия было небезопасно – снаряды не выдерживали.

Надо полагать, голландцы держали мортиру ради обстрела береговых крепостей.

Бомба рванула чуть ли не у самого борта «Ретвизана».

Флейт выдержал, а вот капитана снесло в море взрывной волной – еще один начиненный порохом снаряд бабахнул на перелете, прямо в воздухе.

Бизань-мачта заслонила Сухова, приняв на себя осколки, но от взрывной волны не убежала.

Олег и сам не понял, что с ним, когда мощный толчок раскаленного воздуха сбил его с ног, опрокинул вверх ногами.

«Мортир было две...» – мелькнуло в гудевшей голове.

Глава 2, *в которой Олег попадает на губу*

Ухнув в холодную водичку, Сухов слегка очухался, хоть в ушах и продолжало звенеть. Море и небо содрогнулись – голландский бриг дал залп и пошел чертить дугу поворота. Ругаясь и отплываваясь, Олег сбросил ботфорты и поплыл, всё еще чувствуя приступы дурноты.

Минуту спустя до него дошло, что плывет он не туда, куда надо бы, не к «Ретвизану». Тут и муть, колыхавшаяся в черепушке, осела.

Сухов будто протрезвел, разглядывая качавшуюся корму голландского брига. Он назывался «Миддельбург».

В этот самый момент бриг ударил по «Ретвизану» со всех орудий, и бил он восьмифунтовыми ядрами. Прицельно.

Олег зло сплюнул. Проиграл! Он проиграл голландцам!

– Стратег хренов!

...Круглая мушкетная пуля рассадил Сухову кожу выше уха и цвиркнула в воду. Свет померк.

...В конце февраля «Ретвизан» покинул берега обобранной Панамы и двинулся на север извечным путем галеонов – между Юкатаном и Кубой, а после огибая Флориду. И в океан...

Удивительно, но штормы миновали флейт, лишь краешком трогая порывами свежего ветра, заставлявшими скрипеть мачты, а снасти – гудеть внатяг.

Прекрасная Испанка, она же донна Флора Состенес, не комсомолка, не спортсменка, зато пророчица и просто красавица, занимала отдельную каюту, а чтобы было меньше разговоров, с ней вместе поселили суровую дуэнью – пожилую индианку с величественными манерами королевы в изгнании.

Звали ее Анакаона, а выглядела она именно так, как и должна выглядеть скво: неспешная в движениях, смуглая, с бесстрастным лицом, на котором жили только непроницаемо черные глаза.

Флора частенько навещала капитана Драя, то бишь Олега Сухова, и дуэнья всякий раз скромно устраивалась в уголку, занимаясь рукоделием, с улыбкой слушая милую девичью болтовню.

В последнее утро, когда заря занималась над тонкой линией берега, Прекрасная Испанка, шурша юбками, продефилировала к большому окну, выходившему на корму, и сказала задумчиво:

– А мне опять было видение... Удивительно... Я никогда ранее не различала твою судьбу, всё было как в тумане, а вот теперь увидела – немножечко, самый краешек, но всё равно. Скоро ты встретишь старых друзей, а потом вам поможет некая влиятельная особа...

Сухов кивнул, поняв всё по-своему.

Что за друзей он повстречает, ясно ему не было. Быть может, речь о графе Жане д'Эстре, вице-адмирале? А влиятельная особа – это, без сомнения, французский король.

Олег намеревался добиться аудиенции у Людовика XIV, дабы монарх, милостью своей, принял его под свою руку, а «Ретвизан» стал бы еще одной боевой единицей Флота Леванта. Иначе никак.

Где-то на Варварском берегу, в Алжире кажется, стоит древняя крепость времен Карфагена.

Местные обходят руины стороной, ибо их выбрали пристанищем ифриты, порождения тьмы.

Порою высокие ворота Крепости ифритов, названные в честь богини Танит, озарял сиреневый свет, нездешний и пугающий, – это срабатывал межвременной портал.

Арабы и берберы, завидя сполохи, истово молились, отводя зло.

Кому как, усмехнулся про себя Сухов. Для него та пуническая крепость – единственная возможность вернуться домой, в родное время.

А в одиночку такое дело не провернуть. Даже если взяться всею командой «Ретвизана», миссия окажется невыполнимой, ибо берег тот не зря назван Варварским.

Там правит ага, вассал турецкого султана, а янычары и берберские пираты просто кишат.

Они держат в страхе всё Средиземноморье, никому спуска не дают – грабят корабли и приморские города, берут в полон тысячи христиан и продают в рабство, режут, жгут, убивают направо и налево...

Явиться на берег обетованный можно только в составе эскадры Флота Леванта. Только стопушечные фрегаты способны перетопить берберские шебеки и фелюги да зачистить бережок.

А уж потом можно и к крепости отправляться.

Совершить марш-бросок да закрепиться, дожидаясь открытия врат. И держать оборону, пока не случится чудо.

– А я выйду замуж, – тихим голосом сказала Флора и шмыгнула носом.

– А как зовут твоего избранника?

– Граф д'Эбервиль.

– Так чего же ты плачешь, глупенькая? – Потому что...

... – А ну, встать! – прорезался грубый властный голос, и Олега окатили водой из ведра, обрывая полусны-полувоспоминания.

И приводя в чувство.

Олег сразу ощутил твердые доски палубы, и...

Резво повернувшись на бок, Сухов открыл рот, изливая мутную воду. Полегчало.

Хрипло дыша и отплевываясь, он огляделся. Ноги вокруг. Исходное положение – шире плеч.

В ношенных сапогах, в грубых башмаках, в подобии туфель, плетенных из кожаных ремешков. В нечищенных ботфортах.

Обладатель ботфорт, белокрысы и толстогубый, повторил свою команду на корявом французском:

– Встать!

Олег сплюнул и внятно сказал:

– Если я встану, ты ляжешь.

Левый сапог с замызганными кружевами на отворотах заехал носком Сухову в бок, метя в печенку, но Драй был наготове – выставил блок.

А после ударил обидчика обеими ногами в живот – белокрысого отнесло на стоявших кругом матросов.

Олег вскочил.

Было тошно, мутило изрядно, рана на голове пульсировала, словно какой злобный зверек вгрызался в плоть с каждым ударом сердца.

Корабль шел на север – синяя полоса земли тянулась по правому борту.

А далеко-далеко на юге белел ма-аленький кораблик, окутанный серым дымом. Наверное, это был «Ретвизан».

– Экий лягушатник прыткий попался! – заорал расхристанный матрос на полупонятном наречии.

– Отметелить лягушатника!

Толпа вокруг была настроена на драку в стиле «все на одного, один на всех», да и что с них взять?

Вчерашние босьяки, бросившие свои наделы в болотистых польдерах, погнавшиеся за длинным гульденом, да и зашанхаенные на флот, что они видели в жизни?

Вон с каким азартом ждут продолжения.

– Вставайте, минхер!

– Минхер Маус...

– Щас мы этого прыткого...

Выкрикивая брань и угрозы, моряки помогли подняться белобрысому.

Побледневший, с искаженным лицом, тот набросился на Сухова, маша кулаками, как та мельница на польдере, что воду откачивает.

Олег увернулся, ушел в сторону и заехал как следует Маусу по почкам. Тот аж выгнулся.

Но не сдался – ударил с разворота, обратной стороной кулака.

Сухов пригнулся и всадил кулак в печень «мышу в сапогах». Хотел добавить локтем, да противник отбил удар, тут же обрушив на Олега добрую порцию прямых и хуков по корпусу.

Маус оказался не таким уж и хилым, каким выглядел.

Что называется – жилистый. Удары его костистых кулаков были весьма болезненны.

Сделав обманное движение, «мыш» провел прямой в голову – Сухов увернулся в последнее мгновение.

Костяшки противника всё же достали его, попав в бровь, но вызвали лишь «непрощеную слезу». Лишь!..

На целую секунду Олег перестал четко видеть, всё расплылось перед ним, и Маус тотчас же воспользовался своим преимуществом – что есть силы заехал Сухову в солнечное сплетение, сбивая дыхание.

Олег вслепую отбил следующий удар, судорожно пытаясь подавить конвульсии бедного организма и восстановить дыхалку, однако «мыш» не унимался – перейд я в наступление, он так и сыпал ударами, вынуждая Сухова перейти в глухую оборону и отшагнуть. Толпа победно ревела, потрясая кулаками.

Судорожно вздохнув, Олег ощутил прилив холодной ярости. Нарочито вяло отбив очередной хук, он внезапно атаковал «мышу», врезав тому как следует – костяшками пальцев под нос, ребром ладони по горлу, «пяткой» ладони в подбородок.

Маус, обливаясь слезами и кровью, упал на доски палубы. Живо загреб ногами, откатываясь, и поднялся.

Тяжело дыша, подтирая красную юшку, капающую из носа, он закружил, накапливая силы.

Сухов восстановил дыхание, огрызаясь по мелочи, дожидаясь, когда же голландец откроется.

Попавшись на ложный финт, тот дернул левой, прикрывая бок, – и получил по ребрам.

– Что, «мыш в сапогах», – выдохнул Сухов, – больно? Спасибо, конечно, что спасли, век буду помнить. Это самое... что, решили, если уж победу одержать не удастся, то хоть пленного взять? В-вояки сраные... Тут на него накнулись все.

Прикрывая голову, Олег давал сдачи, чувствуя, что долго не выдержит – «купание» отняло много сил.

Но и прогибаться он не привык.

Изнемогая, Драй работал локтями, кулаками и пятками, увеча всех подряд, но желающих отметелить чужака было куда больше.

...И еще одно ведро воды пролилось на него.

Глаза заплыли так, что еле открывались. В щелочки Сухов разглядел всё ту же толпу.

Белобрысый «мыш в сапогах» возвышался над ним, уперев руки в боки.

– Кто таков? – спросил он, гнусава после ха-арошего хука с правой, прилетевшего от Олега.

– Корсар его величества Олегар де Монтины, – ответил Сухов и криво усмехнулся: наверное, он впервые представлялся лежа. – А ты кто?

Минхер Маус потер скулу, зверски выворачивая челюсть.

– Ян Якобсзоон Маус, – представился он, – капитан «Миддельбурха».

– А-а... – протянул Олег, опираясь на локти, подтягивая ноги и усаживаясь. Болело всё. – Предлагаю сделку. Разворачивай корабль и дуй обратно. С почетом доставляешь меня на борт «Ретвизана», получаешь вознаграждение – и свободен.

Маус кривовато усмехнулся.

– Ах ты, лягушатник драный... – глухо проговорил он. – По вашей милости сгибли ребята с «Мауритиуса» и «Грооте Маане». И ты еще смеешь вкаты?! А ну, пузом вниз его!

Дюжие матросики живо перевернули Олега, как тюленя, и ухватились, держа за руки и ноги.

Ян Якобсзоон вооружился стеклом и пошел стегать по широкой суховской спине.

– Я ж тебя убью, сволочь мышастая! – прорычал Сухов, пытаясь вырваться.

Маус ударил так, что сломал стек, и отшагнул, шумно дыша.

Тут из толпы вышел узкоплечий молодчик в потасканом камзоле и, дергая ртом, высказался:

– Да что с ним цацкаться! Что у нас, веревки не найдется? Вздернуть гада, и всего делов! Или вон, по доске пускай прогуляется!

– Можно и так, – медленно проговорил Маус, глумливо усмехаясь, – но уж слишком быстро! Не-ет... Мы его кормить будем, холить и лелеять, чтоб живехоньким и здоровеньким в Роттердам доставить... И на галеры!

Толпа восторженно взревела, а белобрысый снял свою шляпу и сделал вид, что раскладывается перед Суховым:

– Пожалуйста на гауптвахту, шевалье!

Глава 3, *в которой Олег «держит зону»*

Угрюмый хромой профос сопровождал Олега в нижний трюм. По крутому трапу вниз, в темноту и сырость, затхлость и вонь.

При свете масляного фонаря Сухов различал лишь крутые бока бочкотары да толстый ствол нижней мачты.

Загремев засовом, профос отпер тяжелую дверь и мотнул Олегу головой: заходи, мол.

Олег зашел. А что было делать? Убить провожатого несложно, а дальше что?

В одиночку захватить корабль? Не смешно. Прыгать за борт – и саженками к земле?

И вовсе глупо – до берега миль восемь, а в апреле вода, знаете ли, бодрит.

Сухов раздраженно пожал плечами и скривился от боли в спине. Что ж, судьба воинская изменчива.

Уж сколько раз доводилось в плену побывать, то по невезению, то по трезвому разумению, и всегда удавалось волю себе воротить.

А всё почему? Потому что думал и, прежде чем свободы добиваться, слабые места вражки выводывал, время нужное подгадывал... Короче, ждем-с.

На губе не воняло – смердело. Под ногами плюхала вода, решетчатый настил тонул в ней, изображая нижнюю палубу.

По сути, гауптвахта представляла собой одну большую-пребольшую парашу.

Нары тоже присутствовали – покрытые невообразимым тряпьем, они служили ложем для исхудалой троицы.

Заросшие, оборванные, они сидели, вжимаясь спинами в переборку, и блестели глазками, настороженно приглядываясь: бить будут или покормят? Люди-крысы.

– Добро пожаловать в нашу обитель! – натужно пошутил профос и сам же расхохотался.

– А поесть? – проскулил один из осужденных, лысый, с блестящим, словно отполированным, черепом.

– Тебе, Клаас, только бы жрать, – проворчал хромец, запирая дверь и лязгая засовом.

Олег огляделся, больше угадывая, чем созерцая в тусклом свете фонаря.

Выбрав топчан получше, он согнал с него тощего, длинного, как жердь, «зэка» и устроился сам. Хоть посидеть спокойно.

Посидишь тут, пожалуй... Эта сволочь, которая «мыш в сапогах», всю спину ему исполосовала.

И рубаху шелковую порвала, и кожу рассекла до крови. Даже промыть нечем...

Покривившись, Сухов пристроился боком к выгибу шпангоута, чувствуя, как бурлит в душе нерастратенное бешенство.

Вспомнил «мышу в сапогах», морду его похабную.

«Убью!»

Мосластый «зэк» покинул свое место и воздвигся рядом с Суховым.

«Зону держит», – догадался Олег.

Растягивая гласные, «авторитет» заговорил, но Сухов прервал его речь французским «не понимаю!».

Поморгав, его визави заговорил на языке Мольера и Рабле, в равной пропорции перемежая его иными наречиями, включая английский и испанский:

– Ты прогонять Карстена. Я тебя наказать.

– Заткнись, – невежливо прервал его Олег. – Зовут как?

Мосластый нахмурился, но ответил-таки:

– Я есть Маартен Фокс.

– Сядь, Фокс, и успокойся, а то пасть порву.

Маартен не внял доброму совету и замахнулся. «Господи, как же вы мне все надоели...»

Сухов, не вставая, ударил Фокса ногой по яйцам, а когда «авторитет» засипел от боли, врезал пяткой в грудь.

Маартен отлетел к бревенчатой переборке, звучно приложившись, аж гул пошел.

Тут же оттолкнувшись, он снова бросился на Олега, сжимая здоровенные кулаки. Как вальки.

Жалея истерзанную спину, Сухов бил Фокса ногами, пробивая тому пресс.

Маартен согнулся, сипя от боли и хапая воздух ртом.

Удобная позиция.

Олег врезал ему в подбородок ребром стопы – «авторитет» завалился назад, нелепо вскидывая руки. Готов.

– Хватит баловаться! – резко сказал Олег. – Эй, длинный! Как бишь тебя... Карстен. Иди сюда.

«Длинный» не посмел ослушаться, чуя, что в их маленькой стае завелся по-настоящему матерый зверь.

– Садись, – хлопнул Сухов ладонью по нарам и сказал погромче, чтоб всем было слышно: – Сторожить будешь. Если *эти* подойдут, разбудишь. Я их убью – и можешь занимать второй топчан. Понял?

Карстен истово закивал, в глазки заглядывая новому вожаку...

...Заснув сразу, Олег и проснулся быстро – от толчка.

Широко раскрыв глаза, он разглядел испуганного Карстена, а напротив стоял Фокс с ножом в руке.

Похоже, что клинок знал и лучшие времена – это был кинжал-обломыш с лезвием длиной в ладонь.

Впрочем, ежели всадить в бок такую коротышку – «скорую помощь» не тревожь. Летальный исход.

Рыкнув на «сторожа», Маартен бросился к Сухову, отводя руку с оружием – банальный прием гопника, не сведущего в военном деле.

Олег отпрянул, пропуская блеснувшую сталь. Фокс тут же полоснул ножом в обратную сторону, спеша распороть, пустить кровь, убить!

Перехват, залом – и Сухов ознакомил «авторитета» с еще одним популярным приемом – «фейсом об тэйбл», то бишь о топчан.

– Ах ты, чмо приبلудное!

Удерживая Маартена в позе удивленного тушканчика, Олег стал выворачивать ему руку.

Вот стон перешел в визг, пальцы у «зэка» разжались, и клинок упал, втыкаясь в лежак.

– Я тебя предупреждал? – холодно спросил Сухов.

– Да! Да! Да! – прошипел Фокс. – Сдаюсь! Больше не буду!

– Не будешь.

Олег отпустил голландца, вооружаясь ножом. Маартен тут же развернулся, сжимая кулак, и Сухов вогнал ему нож между ребер.

Хоть и короток был обломыш, но до сердца достал.

Фокс содрогнулся и обмяк. Рухнул, продавливая решетчатый настил, плюхая и напуская еще одну порцию воню. Последнюю.

Лысый Клаас и жердяй Карстен стояли как громом пораженные. Сухов, аккуратно вытерев нож, спрятал его, сунув под рванье на нарах, и в этот самый момент послышались тяжелые шаги. Загремел засов.

Длинный неожиданно метнулся к борту, сочившемуся влагой, сунул руку в щель между брусьями и вытащил заначку – здоровенный бронзовый гвоздь.

Подскочив к мертвяку, он успел воткнуть его в рану и выпрямиться по стойке смирно.

Профос вошел, держа фонарь впереди себя, и замер, увидав труп. Глянул подозрительно на Сухова.

– Ах, он такой неловкий! – вздохнул Олег. – Как поскользнется – и напоролся.

Посопев, тюремщик-золотарь поставил фонарь на полку, а потом ткнул толстым пальцем в лысого и длинного:

– Ты и ты! Хватаете Фокса – и наверх!

«Зэки» радостно засутились – наконец-то на свежий воздух!

– В море? – уточнил Карстен.

– Нет, – фыркнул профос, – капитану в каюту. В море, конечно!

Лысый с длинным суетливо вытащили Маартена, а тюремщик, ворча себе под нос, плюхнул в общую миску местный деликатес под названием лабскаус – это была жидкая каша из мелкорубленной вареной солонины с соленой селедкой, хорошенько сдобренной перцем.

В карте вин значился квас – полный кувшин теплого лимонада.

– А вот тут вода, – ворчливо сказал тюремщик. – Промоешь. И рубахуними, присохнет ведь.

Сухов стащил рваную сорочку, промыл, как смог, ссадины, после чего поинтересовался:

– Как тебя звать?

– А тебе зачем? – буркнул хромой. – Ну Йохан я.

– Что там с «Мауритиусом» случилось?

– Потоп «Мауритиус».

– А «Грооте Маане»?

– Не рассмотрел.

Посопев, Йохан добавил:

– Хорошо ты Маусу врезал. Аж на душе потеплело! – Тут же решив, что слишком разоткровенничался, профос засопел громче, раздувая ноздри: – Где их носит?

Послышался гулкий топот, и отбывающие наказание вернулись на гауптвахту, веселые и довольные, – на прогулке побывали, вкусили убогой радости бытия.

Надо полагать, безвременная кончина Фокса никого особо не опечалила. По крайней мере настолько, чтобы делать оргвыводы...

Профос удалился, а Олег продолжил скромное пиршество.

– А вам что, – спокойно спросил он, – особое приглашение требуется?

Отъев ровно треть, Сухов отвалился к «своему» шпангоуту и отхлебнул кваса. Ну не квас, конечно, но пить можно.

Клаас с Карстеном вооружились ложками, глянули неуверенно на жоака и набросились на еду...

Через неделю лысого с длинным освободили, и Олег остался один.

Никто его не тревожил, не требовал к ответу за убийство. Кормили скудно, но, как говорится, и на том спасибо.

Раны на спине оказались несерьезными, заживали хорошо. «Оскорбление действием» жгло куда сильнее.

От нечего делать капитан Драй сплел себе подобие мокасин из кожаных полосок и шнурков – обычная моряцкая обувь, удобная тем, что ноги в ней не скользили по мокрой палубе.

Единственным развлечением для Сухова остались одинокие думы, воспоминания да редкие встречи со старым профосом. Йохан частенько проговаривался, так что Олег был в курсе событий.

«Миддельбурх» постоянно мотался из Роттердама в Бильбао, поддерживая связь между Соединенными Провинциями и союзной Испанией.

Близилась война с Англией и Францией, вот голландцы и суежились.

До Роттердама ходу оставалось – неделя, как минимум, но скучать Сухову не пришлось.

Однажды вечером (хотя Олегу было без разницы время суток в его-то темном закутке) лязгнул засов.

Драй насторожился, полез под тряпки, чтобы достать нож-обломыш, но тут в приоткрытую дверь протиснулся Карстен Утенхолт.

Переминаясь, он сказал:

– Я тут... это... выпустить могу. Погулять. Сейчас темно уже, никто и не увидит...

– Спасибо, Карстен, – улыбнулся Сухов. – Подышу хоть...

Поднявшись на палубу, он с наслаждением вдохнул свежего воздуха. Господи, хоть пей его... Большими глотками.

– Только... это... – прошептал Утенхолт боязливо.

– Всё нормально, – успокоил его Олег, – погуляю и вернусь. Кают-компания где? Перехвачу хоть чего-нибудь вкусенького.

Длинный довольно толково объяснил, где можно разжиться вкусняшками.

Может, он и раскаивался уже в своем добром порыве, но поздно переживать.

Темень стояла не полная, звезды светили ярко, смутно выделяя паруса.

Кормовые фонари расплывались сияющими шарами, а море угрюмо чернело, серым намечая барашки волн.

«Слово надо держать», – усмехнулся Сухов, неслышно ступая вдоль борта.

Увидеть его мог только рулевой, стоявший на вахте, да и то вряд ли – паялится небось на компас, подсвеченный фонарем, а смотреть на огонь ночью не рекомендуется. Ничего потом не разглядишь в темноте, кроме цветковых пятен.

Прокравшись к надстройке, Олег проскользнул в коридор, идущий вдоль оси корабля.

Ближе к корме проход расширялся в продолговатое помещение с длинным столом, стульями, буфетами и прочим – это и была кают-компания, где господа офицеры трапезничали.

С кормы кают-компанию освещало большое, часто зарешеченное окно, а по сторонам располагались двери кают.

Капитанская была последней слева. Приблизившись к ее дверям, Сухов замер и прислушался. Храпит.

Он потянул дверь на себя – не заперто. Чудненько. Не надо ковыряться с замком.

Воротив нож на место, за пояс, Олег проскользнул в капитанскую каюту.

Здесь было душно. «Мышь в сапогах» дрых, откинув одеяло, в длинной ночной рубашке и со смешным колпаком на голове.

Приблизившись к изголовью кровати, Сухов вжался в переборку – капитан неожиданно закашлялся.

Сонно бормоча и прочищая горло, Маус сел, опуская на пол волосатые ноги. Нащупал початую бутылку.

Приложившись как следует, он вытер рот ладонью.

Капитан брига не видел Олега у себя за спиной.

Даже когда Сухов вспрыгнул на кровать, не сообразил, что к чему. Ну и ладно.

Олег не любил дешевых эффектов, поэтому действовал, как учили: хладнокровно и расчетливо – ухватился за голову в ночном колпаке и резко свернул «мышу» шею.

Мокрый хруст позвонков засвидетельствовал причинение смерти.

Осталось изобразить неловкое падение Мауса с кровати, и мавр мог уходить.

Рыться в пожитках капитанских Драю было противно, да и к чему улики?

Ненадолго задержавшись в кают-компании, дабы поживиться объедками с ужина, Сухов удалился.

– Разжился? – шепнул Карстен. В голосе его чувствовалось облегчение.

– Ну! – подтвердил Олег и усмехнулся. – Пошли, запрешь...

Возвращаться в затхлость и мерзость губы не хотелось, но что делать прикажете?

Берег далеко, а шлюпку спустить на ходу... Лучше даже не пробовать. Как и прежде, ждем-с.

И Сухов снова уединился «у себя», с удовольствием уминая нечаянные гостинцы. Совесть его была спокойна: он сдержал данное «мышу» слово.

Глава 4, *в которой сбывается пророчество*

Суматоха на корабле поднялась лишь на другой день, да и то ближе к обеду, когда вахтенный матрос обнаружил Яна Якобсзоона Мауса мертвым.

Криковхватило. Многие ли поверили в несчастный случай, было неясно, хотя кто-то из офицеров не поленился спуститься на нижнюю палубу, чтобы подергать дверь гауптвахты, запертую на засов. Не придерешься.

Старый Йохан, скорее всего, догадался, чьих это рук дело. Во всяком случае, в тот день у Олега в меню было мясное рагу гюцпот и густой гороховый суп смерт.

В начале третьей недели бриг вошел в лабиринт протоков, каналов и островов, выбираясь к Роттердаму.

В городишке том проживало тысяч двадцать жителей, но был Роттердам богат – именно сюда прибывали корабли из Нидерландской Ост-Индии, с полными трюмами пряностей, индиго, сахара, красного дерева и прочего колониального товара.

Сухов прислушивался. «Миддельбурх» шел всё медленнее, пока не качнулся у причала, со скрипом притираясь бортом.

С прибытием вас, товарищ Сухов...

Не сразу, но за Олегом пришли. Хмурый профос отворил дверь, и двое дюжих матросов с опаской шагнули в вонючее узилище.

– Я сам, ребятки-зверятки! – ухмыльнулся Сухов, только что успевший привязать к ноге нож – короткие штаны едва прикрывали оружие.

Поднявшись на палубу, он поневоле прикрыл глаза – яркий свет дня слепил его, как сову, сдуру вылетевшую из дупла в полдень.

Моргая, Драй ничего не видел за слезами – всё расплывалось. Но на слух не жаловался. Команда брига желала ему всех благ на новом поприще:

– Месяц точно протянет!

– Полгода! Спорим?

– На галере-то? Да они там мрут, как мухи перед зимой!

– Этот-то здоровый...

– Ну жирок с него быстро стонят! А после и мяско!

– Подумаешь! Кости-то останутся.

– А с них самый навар!

– Га-га-га!

– Ну и откормили же мы кабана этого...

– Во-во! Хватит уж ложкой черпать, пора на весло переходить!

– Не обделайся с натуги!

– Гы-гы-гы!

Жмурясь и щурясь, Олег протопал по сходням на пристань, где его торжественно передали на попечение суровой страже в темных кафтанах и шляпах, штанах и сапогах.

И безо всяких там бантиков и прочих финтифлюшек.

– Желаю приятно провести время! – издевательски сказал и. о. капитана брига, узкоплечий лейтенантишка. Он едва сдерживал прорывающийся хохот. – В увеселительной прогулке... на галере!

– Чтоб вам всем попередохнуть! – от всего сердца пожелал Сухов.

В одних штанах, он ежился от ветра, гулявшего вдоль каменных купеческих домов, слепившихся боками, как пельмени.

Впрочем, идти пришлось недолго – бревенчатый барак для шиурмы, как звали гребцов галер, располагался неподалеку, всё на том же берегу Ньиве-Маас, грязноватой роттердамской речушки.

Вели Олега пятеро – четыре стражника во главе с ундер-офицером, чей статус выдавал широкий красный кушак, обмотанный вокруг пояса.

Барак с гребцами и вовсе целый десяток мушкетеров охранял.

В темноватой пристройке Сухова деловито обыскали, отобрали нож, зато выдали две казенных серых рубахи, две пары нижнего белья и пару чулок, плащ из толстого сукна, кафтан из красной пряжи, подбитый белым холстом, короткие широкие штаны и колпак, опять-таки алого цвету.

Вся эта одежда выдавалась раз в два года.

Столь долго задерживаться на галерах Олег не собирался, но зачем об этом знать посторонним? Огорчатся еще.

Толстый сердитый чиновник что-то спросил его недовольно по-голландски, а Сухов возьми да и ляпни на «великом и могучем»:

– Не понимаю!

– Московит? – оживился толстяк, переходя на корявый русский. – Самеч-чательно! У нас уже есть четфери тфоиx соо-течес-тфенник, будешь пятым – и загребным! Эй, Пауль! Этого обрить и остричь. Прикуешь к нашей четверке. Галера «Нептунус». – Слушаюсь, экселенц...

Очень быстро Сухов лишился не только воли, но и усов с холеной бородашкой, и длинных своих волос.

«Оболванили!»

Ничего, удобней будет парики носить – мода такая...

Олега ввели в сумрачный зал, где на деревянных помостах, прямо на досках, сидели и лежали гребцы-галеотти, как их звали венецианцы.

На галере «Нептунус» было пятьдесят два длинных и тяжелых весла, по пять гребцов на весло.

Если точно, то пятьдесят одно – вместо одной из скамей-банок по центру левого борта располагался очаг для готовки.

Выходит двести пятьдесят пять галеотти.

Вся эта вонючая разноголосая шиурма делилась на три категории: на добровольцев, которых стригли наголо, как всех, но позволяли носить усы, на каторжников и рабов, лишенных подобной вольности.

Гребцы-волонтеры получали кое-что за свои труды, они свободно ходили днем с колодой на ноге, а вот каторжников с невольниками могли и вовсе на берег не пустить.

Так и ночуй на узкой скамье или под нею, прикованный. И без удобств.

– Сюда, – буркнул кузнец, указывая Сухову на четверых бритоголовых, сидевших в рядок с краю помоста.

Олег остановился. Сердце дало сбой. Шурка Пончев. Ярик Быков.

Этого не могло быть, но вот же они! Сидят, на него таращатся. А это кто с ними? Да никак Паха с Жекой! Сбылось...

– Привет, – сказал Сухов и уселся, подставляя левую лодыжку кузнецу.

Тот ловко приковал Олега цепью к общим кандалам «московитов».

– Пр-ривет! – завопил Пончик, подсакивая и гремя кандалами.

Тут уж все бросились к Олегу, до смерти напугав кузнеца.

– Ёш-моё! Ну, вообще!..

– Здорово, блин!

– Нет, ну это надо же, а?! Угу... – Понч, как эта пятерка называется?

– Какая?

– Ну пятеро гребцов, скованных одной цепью! Не бригада, а...

– Бранкада! Угу...

– Во-во! Это мы и есть!

Сухов тоже радовался. Как увидел, так и всё – радость великая, надежды лучащиеся.

Да само появление людей *оттуда*, из будущего, – это уже как обещание! И... впятером – лучше.

Одному в чужих временах, может, и вольготнее, но трудней – даже словом не с кем перемолвиться.

Не посторожит никто, когда ты с ног валишься. Не прикроет спину.

А тут – вон, сразу четверо друзей, боевых товарищей, не раз проверенных в деле.

Шурик, он же Пончик. Пухлощекий интеллигентлиберал, врач по образованию, домосед по призванию. Верный Санчо-Панса, Шурик не отставал от Олега и на Руси, и в Византии, и в Орде.

Яр Быков. Невысокий, плотный мужчина лет тридцати с небольшим, со смазливym лицом, полногубым и круглощеким, с задраннym носом и лопухастыми ушами. Немного фат и позер, всё мечтал попаданцем стать, и – «сбылась мечта идиота».

Женька Комов и Пашка Лобов. Здоровяки-десантники, по дурости угодившие в X век, да так там и оставшиеся, – понравилось им в «мрачном Средневековье». Как говорится, нашли себя.

– Что, Жека? – спросил Сухов, ухмыляясь. – Это самое... выбросило?

– Еще как... – вздохнул Комов. – Блин, дурацкая эта физика!

– Ничего. Нас с Пончем только с третьего раза добросило. Как там Витька говаривал? «Кольцевой ретросдвиг с двадцатилетним радиусом». Трижды Т-кольцо замыкалось. Это самое... сначала нас из IX в X закинуло. Лет тринадцать прошло, и фьюить – в XIII! И только потом домой попали, в родимый XXI. А из какого вас?

– Из 962-го, – грустно сказал Евгений. – У нас уже и лодья своя была, и дружинка малая. Вот, блин!

– Ага, мы как раз по Непру плыли, – подхватил Павел. – Ну у вас тут бают Днепр. Ой, да ты ж в курсах, сиятельный!

– В курсах, – улыбнулся Олег.

– Ага... И вдруг как полыхнет сиреневым, а потом сразу туман голубой. И всё! И на Украине мы. Нас там чуть русскими шпионами не объявили! Еле через границу прошли. А чё делать? Ни паспортов, ничего! Хорошо, хоть золотишко при нас было. Переоделись, на попутках до Москвы доехали и сразу к тебе. А там Елена твоя. Так и так, говорит, пропал Олег, канул в век семнадцатый, да и с концами!

– Витёк наш чуть не убил своих научных, – хихикнул Быков, – решил, что это они напортачили. А там вообще не понять что. Короче говоря, накрылся тот портал, что в «Скале веков». Давай мы новый высматривать...

– А в Алжире не искали? В крепости карфагенской?

Пончик выпучил глаза.

– Так мы ж оттуда как раз! Ты тоже знаешь про то место?

– А что делать? – усмехнулся Сухов. – На ПМЖ тут оставаться?

– Витька долго искал, пока ему один таджик-гастарбайтер не подсказал. Есть, мол, странное место в Юр-Тепе, на Памире. Акимов туда, и точно – есть портал! Ёш-моё... Только откроется он аж зимой, а самое нехорошее, что мёбиус-вектор там не действует, плюс ко всему еще и перемещение в пространстве. То бишь войдешь в Юр-Тепе, а выйдешь где-то в Туркмении. Или в Иране. Не помню, в каком-то античном храме, что ли... Зато Витька нашел там одного интересного типа, зовут Терентий Воронов. Он-то и дал подсказку насчет карфагенской крепости. Батек мой живо всё организовал, проплатил, и мы всей толпой в Алжир ломанулись!

– Типа, археологи, – вставил слово Лобов.

– Типа, – кивнул Ярослав. – Крепость там действительно карфагенская, а называют ее Нур-и-Дешт. – Как обсерваторию в ефремовском рассказе! Угу... – Или Крепость ифритов!

– Витька сразу определил, где портал, и пошли мы таскать все эти хроностабилизаторы, активаторы... А мы с Пончем в эти подались... в хрононавты.

– Хрононавты, – хмыкнул Шурик. – Тебя спасти решили. Угу...

– Ёш-моё! Кто бы нас теперь самих спас! – хохотнул Быков.

– А вот! – Пончев хлопнул по плечу Олега.

– Так вас местные повязали?

– Ну! Километров пять прошагали, и всё – человек десять янычар, как из-под земли! С ятаганами своими, с карамулькуками, на верблюдах. Мигом в невольники определили! Ну парочку мы уделали-таки, но всё равно один-ноль не в нашу пользу...

– Помнишь, Комок, как того турка мочканул?

– Было дело...

– А потом нас один странный персонаж выкупил, – криво усмехнулся Шурик. – Такой... не разобрать даже, то ли молодой он, то ли старый. В черной мантии, главное, на этого похож, на Северуса Снейпа из «Гарри Поттера». Волосы длинные, черные, сосульками, бритый, а на щеке шрам такой – на «Х» похожий или на «икс»...

– Не выкупил, а купил по дешевке! – оспорил Яр. – Ёш-моё! Отвез на Мальту и перепродал голландцам.

И вот, здрасте, приехали – шаурма!

– Шиурма, – поправил его Пончик. – Ты не всё видел, Яр. Этот, который в мантии, поднялся на тот же фрегат, что и мы. Только нас в трюме держали, а он, наверное, каюту занял. Зачем, спрашивается?

– Ой, опять ты! – поморщился Быков и обернулся к Олегу: – Шурка в конспирологи записался. Считает, что тот наш купец и впрямь к темным искусствам отношение имеет!

– А зачем тогда он именно нас купил и в Роттердам доставил? Там же рабов было – миллиард тыщ! А выбрал нас. Знаешь зачем? Я только сейчас понял! Чтобы мы все встретились здесь!

Ярослав демонстративно закатил глаза.

– Понимаешь, Олег, – заговорил Пончик, – тут два варианта. Либо этот «темный» – хранитель врат, и ему надо было сделать так, чтобы мы встретились и поскорее убрались из этого времени, либо он... ну не знаю... регулятор, что ли! И его задача – удалить нас от портала. Угу.

– Угукало ты наше, – ласково проговорил Яр. – А что ему мешало выкупить нас – и утопить, скажем? Мы же рабы! Никто бы ему и полслова не сказал. А он нас в Роттердам потащил!

– Выходит, он знал, что Олег окажется именно тут, – настаивал на своем Шура. – Угу...

– Допустим. И что теперь? Раз уж все в сборе? Можно нас и в расход? Мило! А что, по очереди нас уже никак не одолеть? Сначала нас четверых, а потом одного Олега!

– Слушай, чего ты ко мне пристал! – рассердился Пончик и обернулся к Сухову: – Лучше расскажи, как ты здесь, что делал. Пиратствовал небось?

Олег усмехнулся.

– С Генри Морганом Маракайбо грабил и Панаму...

Он рассказывал о своих приключениях не спеша, и ему было приятно их внимание, сопереживание, какая-то мальчишеская зависть.

А в самом-то деле, разве не занятным вышло его «попаданство»? Один «ягуар-оборотень» чего стоит!

А долгое «бродилово» с Франсуа Олонэ? А как они в Маракайбо всю испанскую эскадру на дно пустили? А как индейские пирамиды грабили во славу последнего вождя майя? Как в «баскетбол» сыграли, где проигрыш был тождественно равен гибели?

Нет, есть что вспомнить...

Когда Сухов закончил «дозволенные речи», он потянулся, и кандалы угрюмо брякнули, напоминая о грубой действительности.

– Здорово!.. – сказал Шурик впечатленно.

– Кино и немцы! – поддакнул Лобов.

– Ёш-моё... – протянул Яр и подтащил к себе оковы. – Когда на волю, сиятельный?

– Когда в море выйдем, – серьезно ответил Олег.

Глава 5, *в которой друзья предаются воспоминаниям, а Олег учит голландский*

Развить тему помешали «гости» – мосластые, жилистые гребцы-добровольцы. Они сразу узнавались по длинным усам, обвисавшим сосульками по углам ртов.

Колодки в виде чурбачков они небрежно носили под мышкой, рукою подбирая звякавшую цепь.

В балахонистых штанах и рваных рубахах, волонтеры представляли собой жалкое зрелище, тем не менее смотрели они на «коллег» свысока, с плохо скрываемой заносчивостью.

Сухов усмехнулся, не теряя из виду «гостей».

– Помните анекдот про золотарей? – спросил он. – Это самое... папа с сыном подъезжают к выгребной яме. Отец, как старший и опытный, лезет в дерьмо, черпает его ведром и передает наверх, наследнику. Тот неловко обливает батю, а батя и говорит: «Экий ты нескладный!

Так и проторчишь всю жизнь наверху!» Бранкада рассмеялась.

– Ты про этих? – Яр подбородком показал на добровольцев.

– Про них, убогих. Неистребимое качество человека – чваниться, даже если ты в дерьме по уши!

Говорили они на русском, и предводитель волонтеров, с оселедцем на голове, нахмурился, оглядывая пятерку.

– Чего регочете? – спросил он сиплым, пропитым голосом, выражая свои мысли на дикой смеси голландского, французского, английского да по всем правилам подворотен и портовых закоулков. – Вы последние не скинулись, гоните пеннинг!

– Не скинулись на что? – изобразил Сухов удивление.

– На что надо! – рявкнул предводитель, топорща жидкие усы. – Я – Виллем Косматый! Я главный на галере! Понял?

Олег сокрушенно покачал головой.

– Виллем, – сказал он ласково, – тебя кто-то подло обманул. На галере главный – капитан, а ты всего лишь обычный ушлепок. Как бы тебе попонятнее объяснить... Ученая обезьянка на цепи. Или у тебя есть возражения?

Возражения были. Поняв, что на кону его репутация «крутого», Косматый выпустил колодку и крутанул ее, будто кистень. Чурбачок, правда, был увесистый, и с первого маха у Виллема не получилось. А дожидаться, пока он сделает второй, бранкада не стала.

Олег со товарищи соскочили разом, по команде, чтобы кандалы не путались.

Свободной ногой Сухов врезал Косматому по причинному месту и сам ухватился за брошенную колодку.

Остальные добровольцы не стерпели покушения на честь и достоинство их главаря – всем скопом они набросились на «суховцев».

Как говорится, не на тех напали. Яр подхватил обрывок цепи, брошенный кузнецом.

Павел отодрал доску от помоста и с треском развалил ее на две – себе и Жеке.

Даже Понч вооружился, подобрав камень-голыш. И пошла веселуха.

Оковы мешали всем. Шурик дернулся было вlepить глыбкой ближнему волонтеру, худому и длинному, да цепь натянулась, стреноживая, и метательный снаряд угодил соседу худого, правда удачно – свернув тому челюсть. А ты хулу не изрыгай!

Ярослав от души вмазал цепью-обрывком по колену противнику – вонючему добровольцу в одних штанах с подозрительными пятнами.

Тот потерял равновесие, и Быков добавил пяткой.

А уж Лобов с Комовым веселились от души, с треском припечатывая вражин своим «пиломатериалом», охаживая всех желающих по мясистым частям тела.

У Сухова был свой маневр – мигом набросив цепь Виллему на шею, он схлестнул ее, удавливая главного.

Правда, желания довести мокрое дело до конца у Олега не было, да и зачем?

Глубокомысленно следя за тем, как синее его оппонент, Сухов раздумывал, что с ним дальше делать. Тут ему помогла стража.

Перекрывая гвалт, заорали мушкетеры.

Ворвавшись в барак, они принялись пинать гребцов и расталкивать, щедро делясь зуботычинами и тумаками.

Олег со товарищи дружно отступили и уселись на лавку с самым невинным видом, наблюдая, как менее расторопных приводят в чувство. Гребцы быстро утомонились, видно, был у них опыт общения со стражниками.

Когда потасовка стихла и были слышны одни лишь стоны да приглушенные проклятия, явился аргужин – значимое лицо на галере, хотя должность он занимал куда ниже капитана, старшего офицера, комита и сукомита.

Аргужин надзирал за гребцами, иначе говоря, был старшим надсмотрщиком.

Весь в черном, мрачно зыря по сторонам, он сжимал в руке символ своей власти – кнут, сплетенный из полосок воловьей кожи. Короткое кнутовище блестело, как лакированное. Надо полагать, от долгого употребления.

Небольшого росточку, аргужин был коренаст, силен, а шею имел настолько короткую, что чудилось, голова его была насажена на плечи.

Оглядевшись вокруг, он щелкнул кнутом – хлесткий звук, как от выстрела, разошелся испуганным эхом.

– Не баловать! – низким утробным голосом сказал аргужин, обводя гребцов упорным, тяжелым взглядом из-под мохнатых бровей.

Приметив Сухова, он сосчитал бранкаду и удовлетворенно кивнул – полный комплект.

– Новенький? – спросил аргужин. – А ну сними рубаху.

Олег спокойно подчинился, заходясь. Надсмотрщик придирчиво оценил мышечную массу и кивнул.

– Будешь загребным, – решил он. – Занимаете первую банку с кормы по правому борту. Грести-то умеешь?

– Лучше всех.

– Ну-ну...

Аргужин развернулся и двинулся к выходу, рыкнув на прощание: «Не баловать!»

Остаток дня и ночь прошли спокойно.

Шиурме постелили даже – разрешили натрусить соломы на дощатое лежбище.

Сухова больше не задевали, но было ясно, что до мира и благоволения во человецех еще как до луны.

Подали и ужин – бобовый суп и сухари.

Тут, можно сказать, Олегу повезло, ибо кормили шиурму через день. Надо полагать, чтоб не растолстели.

Вообще, гребцов старались беречь, как-никак – двигатель галеры. А мотор, он и есть мотор: не заправишь – не поедешь.

Стало вечереть, потянуло зябкой сыростью, и в бараче запалили костры в очагах из камней. Дым, как в старину, уходил через дымоходы в крыше.

Сухов сразу припомнил длинные дома Альдейгьюборга – родовые «общежития», типовые постройки северной расы.

– Жека, – сказал он лениво, – а вы где обретались хоть? В Киеве или в Новгороде?

– В Скирингсалле! У норогов. Когда Инегельд Боевой Клык помер, в князя вышел сын его, Тудор. В Ладоге стало бедно жить, все в Новгород подались, а там свои порядки да хозяйева.

И Тудор решил за море двинуть, к норогам, тамошнему конунгу послужить, Хакону Доброму, младшему сыну Харальда Прекрасноволосого, и брату Эйрика Кровавая Секира. Сперва-то Хакон сговорился с ярлом Сигурдом из Хладира, и они с ним прогнали Эйрика за море. Сыновья Кровавой Секиры сразу стали данов подзуживать и конунга ихнего, Харальда Синезубого, чтобы Хакона скинуть, вот Доброму и зандобились воины. А тут мы!

Эйрика зарубили в Нортумбрии, это в Англии, а вдова его, Гуннхильд, в Данию бежала – Харальд-конунг ей братом приходился. Санта-Барбара, короче! Мы с викингами Хакона отбили данов, по всей Ютландии и Сёланду прошлись... Так и служили конунгу, пока не прибили его. Вроде как в 961-м, в битве у Фитьяра. Народищу тогда полегло... Кино и немцы!

– Мы даже в Константинополе отметились! – воскликнул Паха. – Ага! Княгиню Ольгу сопровождали, с нею тогда малолетний Святослав был, ромеи его Сфендославом звали. Спокойно так всё прошло, только на Днепре кочевников погоняли малость.

– Да-а... – вздохнул Пончик. – Были схватки боевые... Угу...

– Еще какие! Набили мы тогда мошну, что и говорить. Ну и двинулись до дому, в Гардарики наши. А потом, когда по Днепру шли, нас – фьюить! – и в двадцать первый.

– Неужели вам совсем не хотелось в родимое будущее? – полюбопытствовал Быков.

– Да как тебе сказать... И да и нет. Интернет да телик – это, конечно, хорошо, можно всякие эти... блокбастеры глядеть. Да только в прошлом весь этот экшн не нарисованный, а самый что ни на есть настоящий. Да там всё настоящее! Даже здесь, и то...

– И не говори...

Пончик вздохнул. Он уже успел соскучиться по своим, по Гелле ненаглядной да по Глебке – когда «малявочке», когда «засранцу»...

И всё же, как бы он ни ругал прошлое, все эти Средние века, ностальгия тоже присутствовала.

Как-никак, полжизни оставил в тех самых столетиях, было что вспомнить.

...Стояло жаркое лето 858 года от Рождества Христова, хотя никто на Руси не ведал еще имени Спасителя.

Да и самой Руси тоже нельзя было еще найти на картах. Просто жил-был такой народец – русь. Белокурые бестии.

Они крепко держали весь путь из варяг в греки, строили крепости, подчиняли местные племена – и венедов, и северу, и прочую голядь.

Те им платили дань, за что русская гридь чисто конкретно «крышевала» аборигенов, не пущая врагов.

В эти-то места и выбросило Пончика с Суховым.

Олег, тот сразу себе увесистый меч вырезал из дерева и давай упражняться – в свободное время от основной рабской деятельности.

А куда деваться Александру Игоревичу Пончеву, молодому врачу-терапевту из городской поликлиники? Он и в армии-то не служил, куда ему с мечом-то?

Тогда-то и нашла его Чара, ведунья местная, знахарка и травница. Молодая, красивая, налитая красотой и здоровьем.

Днем и ночью она таскала его, будто интерна, по лесам и лугам, топким болотам и величественным борам.

Учила травы понимать да как собирать их – одну лишь на рассвете, пока роса обильная, иные былинки – только в полночь, когда светит луна. Наука была трудная.

Он молча подчинялся, не спорил, зубрил древние знания.

Поначалу тоска была дикая, душа страдала от потери родного, привычного – работы, магазинов, дивана с телевизором...

А потом привык как-то. Смирился с реалом. Чара помогла. Блуждая за красивой девушкой, волей-неволей испытаешь амурные чувства...

...День 23 июня 859 года очень напоминал 1 Мая, каким он его помнил с детства.

Та же веселая суматоха и перепутаница, так же валит сдобный дух из окон, девки наряжаются, роются в сундуках, бегают друг к дружке посоветоваться.

Весь двор украсился зеленью – резные ставенки были окружены березовыми веточками, еловые лапы оплетали балясины крыльца, девицы понадевали пахучие веночки и даже коровам увили рога зелеными гирляндами.

Молодежь, галдя и хохоча, шарила по всей округе, стаскивая в кучу хворост, старые метлы, разохшиеся бочки, сломанные колеса – всё старое и ненужное, что могло гореть, должно быть сожжено этой ночью, самой короткой ночью в году, брачной ночью для Хорса, ответственного за свет и тепло, и девы Зари, невесты «Солнышка светлого и трижды светлого».

...Ясный день сменился белой ночью, а на берегу реки, на выгоне, на холму, у развилки дорог запылали костры, затрещали буйно.

Галдели шальные девки, уворачиваясь от хохочущих гридней; Жучка, огромная матерая волкодавица, носилась кругами и восьмерками, как малый щенок, и радостно брехала.

И уже где-то запевали, и в лад брэнчали гусли, соревнуясь с кантеле, трубил рог турий, дудочки выводили заполошные ноты, а гудки, словно пародируя будущие скрипки, запиливали плясовые ритмы.

– На реку! На реку! – веселым звонким голосом воскликнула Чара и потянула Пончика к восточным воротам.

Крепко держась за руки, они выбежали на берег Ила-дьоги. Все дворовые уже были здесь. Они ждали невесту.

Возбуждение владело нарядной толпой, люди смеялись, спорили, махали факелами, галдели, орали и пели.

На пригорке стояли Хакон-конунг с Асмудом, рядом с ними – Аскольд, а чуть поодаль – знать рангом пониже.

Внезапно шум утих. Близилась песня – полумолитва-полугимн, славящий Хорса, уговаривающий бога не творить безлетья человекам, а умыться добела, встать завтра ясно и послать всякого приплоду.

Чара подпрыгивала, не в силах углядеть процессию за широкими спинами, и Пончик подсадил ее к себе на плечо.

Толпа расступалась, пропуская поющих девушек к реке, и смыкалась за ними.

А впереди подруг молча шагала Рада – в одной рубахе, босая, похожая на валькирию после ночи любви – томную и благостную. В руках валькирия несла угощение божеству – гору дымящихся блинов и горшочек меду.

Гордо подняв голову, девушка ступила в тихую воду Ила-дьоги.

Подруги-певуны остановились на берегу, а валькирия прошла шагов на сорок, пока вода не поднялась по пояс ей.

Девушка протянула свои дары и отдала их реке.

– Хорс светел!

Единым взывом исторглись людские крики, и Пончик тоже поддержал глас народа.

Подпрыгивая на плече, радостно визжала Чара и лохматил Пончику волосы.

– А ну! – ужасным голосом крикнул конунг.

Вдвоем с Аскольдом они зажгли громадное колесо о четырех спицах, знаменующее собой Солнечный крест, и покатали гудящее коло с горки в реку, повторяя вечный солноворот.

Пылающий круг не погас, скача под горку, только разгорелся пуше, въехал в воду, взбурлил ее и пропал.

Обеспечено доброе лето!

Хотя, если честно, Пончик не досмотрел зрелище. Он в это время любовался выходящей из воды валькирией.

Мокрое платье облепило великолепную фигуру, выпячивая каждую округлость.

– Куда глазопятишься?! А? – Ладони Чары повернули голову Пончика налево и подняли вверх, к смеющемуся лицу, тщетно напускавшему на себя гневливость. – На меня смотри, понял?

– Понял, – кротко ответил Пончик.

– Ой, спусти меня скорей! Скорей, батя смотрит!

Засмеявшись, Пончик снял ее, крепко вжимая ладони в налитое, упругое, горячее. Чара замерла, встав на цыпочки и вытянувшись стрункой.

У Пончика толклась на языке куча нежных глупостей, но тут подруги Чарины со смехом разъярили его руки и увели ведуницу с собою – вести священный русальский хоровод, бросать, замирая, венки в черную воду реки, где колеблются отблески огней и горячего дыма.

Пончик, улыбаясь настоящему, не печалась более о будущем, шел через толпу, увораживаясь от плясуний, от девчонок в одних рубашках, но с обязательными венками на ворохах волос.

Из потемок вынырнул Олег, хлопнул пятерней об его пятерню и поволок дальше виснувшую на нем девицу, ту самую блондинку-валькирию.

Чуть поодаль Пончик со спины узнал Ошкуя – тот, живо поводя руками, толковал с белолицей девою, «приукрашая сотней врак одну сомнительную правду».

Пончик шлялся по поляне, захаживал на выгон. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что парень чем-то расстроен и сильно переживает или просто устал и ищет уединения. А он просто шел и думал. Обо всем сразу и ни о чем.

Сжился он с этим миром, принял его, нашел в нем место для себя – и все его страхи, отчаяние ушли.

А ведь всего какой-то год прошел!

Незаметно он поднялся на холм, что стоял против кузни Олежкиной.

Здесь тоже полыхал костер, и девки с парнями сигали через него, держась за руки. Считалось, что, если руки не расцепятся, любовь будет долгой и крепкой.

– Вот ты где! – догнал его сердитый голосок Чары. Пончик обрадованно повернулся навстречу.

Девушка стояла руки в боки, грозно нахмутив брови, но Пончика смешило ее негодование – очень уж не шло оно к облику Чары, к характеру ее – милому, доброму и нежному.

– Ах, ты уже не хочешь со мной прыгать? – завела девушка. – С той беляночкой, поди, скакал?!

– Глупенькая ты... Угу... – засветился Пончик и протянул Чаре руку.

Девушка ответила улыбкой ослепительной радости, и они помчались к костру. Их встретили криками.

Пламя поднималось высоко, горело жарко – Пончик даже испугался, не опалит ли оно Чарочку, – и прыгнул, сжав девичью ладошку. Пахнуло жаром, шибануло дымом, и они приземлились не разняв рук.

– Ты мне чуть пальцы не склеил, – радостно сказала ведуница, дуя на ладонь.

– Прости, пожалуйста.

– Да ладно... – улыбнулась Чара и закричала: – Купаться, купаться!

Молодежь завопила и, на ходу стаскивая рубахи, понеслась к реке.

Пончик ринулся за ними, но Чара вцепилась в него двумя руками:

– Побежали на озеро!

Навалилась из полутьмы кузня и отвалилась. Накинуло запахом тины из пруда. А вот и озеро, посеребренное луною.

Чара скинула венок и стащила через голову рубаху.

Лунный свет облил ее тело, скатился, очерчивая округлости, обрамляя тени в ложбинках.

Пончик распустил гашник, развязал тесемки, поскидал всё с себя и, снова взяв Чару за руку, завел девушку в озеро.

– Ой, какая теплая! – запищала Чара и поплыла.

Пончик нырнул следом. На глубине вода была холодной, но поверху ее будто подогрели.

Наплескавшись, Пончик и Чара вышли на берег.

Поодаль, за деревьями, клубились светящиеся дымы, ветер доносил до них безутишные песни и выкрики.

Девушка прижалась к Пончику спиной, и он, чуя холодок улады, положил ладони на упругие, не по возрасту большие груди, ощутил, как деревенеют соски, и бросился целовать шею лебединую, плечи царственные...

Обцеловав всю спину жарко вздыхавшей Чары, Пончик добрался до тугих ягодич – не больно-то и ущипнешь! Но целовать их – одно удовольствие.

– Ладушко мое... – умирающе сказал девичий голос. – Чарочка...

Их ложем была поляна. В изголовье шумел бор, оттуда тянуло смолой и хвоей. В ногах плескалось озеро.

Муаровая тучка была шторкой, задернувшей нескромный лунный фонарь.

И лишь большая серая сова, отдохавшая в старой кузне после охоты, следила, как свивались два нагих тела, становясь одним целым, как скрещивались ноги и соприкасались губы.

Птицу пугал горячий шепот любви, и сладкие стоны, и бурное дыхание.

Но потом двое изнемогли, «из жара страсти вернулись вновь во хлад и явь», счастливые и умиротворенные. Сова сердито нахохлилась и задремала...

...Возвращаться в страшный, опасный, вонючий реал было гадко и мерзко. Шурик вздохнул.

Всего год он прожил с Чарой, а потом сработал какой-то там гомеостазис мироздания, и их с Олегом перекинуло в будущее. Всего-то на шестьдесят с лишним лет, но о первой своей любви пришлось забыть навсегда – Чара, если и дожила до тех лет, была уже древней старухой.

Глаза запекло, и Шурка скривился.

– Может, отбой? – пробормотал он. – Ради разнообразия. Угу...

– Правда что. Спим!

Евгений Комов улыбнулся, не раскрывая глаз. Отбой...

Удивительно, но он ощущал покой и даже некую затаенную радость. Да, он раб на галере, ну и что?

Главное, что вокруг снова прошлое, где они с Пахой нашли себя. После дембеля их пристроила Валентина Федоровна, ушлая тетка, любившая, чтобы ее звали бизнес-леди.

Но кликуха в народе иная ходила – Валендра.

Валендра что-то такое-этакое мутила против Быкова-старшего, ну и велела проследить за Быковым-младшим.

А тот с Суховым в прошлое перешел! Ну и они следом, толком не понимая, куда попали.

В лето 938-е от Рождества Христова. О, как!

А обратно через двадцать четыре года вернулись, как Штирлицы. Мужики в полном расцвете сил, точно знающие, с какой стороны у меча острие.

И до чего ж смешно вспоминать себя тогдашнего, пацана-позорника! Как их тогда местные варяги прижучили!.. Срамота! Если б не сиятельный – всё, пипец котенку.

А как они в самый первый раз в Альдейгьюборг попали – кино и немцы!

...За рощицей древних, бугристых, необъятных ив открылся городишко – с крепостью, с избами и теремами, всё как полагается.

И Евгению сразу стало поспокойней – человеческим духом запахло. Товарищи по несчастью переглянулись и кивнули друг другу.

– Мы как будто в кино попали, – проговорил Павел.

Комов сумрачно кивнул. Толку-то, что спокоею прибавилось. Всё равно не по себе ему было. Не то чтобы страшно, а как-то так вот... смутно, темно.

Холодок нет-нет да и пробегал по хребтине. Уж больно чужой мир простирался вокруг – неприветливый, опасный, злой.

На берегу торчали шесты с развешанными для просушки ловецкими сетями. Земля вокруг серебрилась, пересыпанная рыбьей чешуей, и здорово воняла.

Тут и там в воду уходили дощатые мостки на сваях, а у самой реки, простирая парной запах, стояли низкие баньки.

Евгений быстро оглядел крепость, базар у речки, толпу продавцов и покупателей, толчею судов, качавших мачтами.

Потом перевел взгляд на Павла. М-да. Спору нет, их камуфляжный прикид очень удобен, но в этом тридевятом царстве, тридесятом государстве так не ходят.

Почесав щетину на подбородке, Комов сообразил, что к чему, и снял с пальца огромный перстень-печатку с рубином.

– Пошли-ка, – бросил он.

– Куда?

– Упакуемся по-здешнему.

– А-а... Да.

У причалов отбою не было от мужиков, предлагавших прямо со своих здоровенных плоскодонок сухую рыбу и хмель, орехи, мед, соль, зерно и толокно.

Высмотрев пузатого купца в расшитой рубахе, с бородой, окрашенной по арабской моде в огненно-рыжий цвет, Евгений сунул работнику торговли под нос перстень, повертел, чтобы на солнце заблестело, и стал пальцами тыкать – в себя, в Паху, в торгоша.

– Одежда, понял? – сказал он, то свой комбез теребя, то рубаху на купчине щупая.

Глазки у торговца заблестели, как тот рубин, – он закивал головой, выражая полное взаимопонимание, и подозвал мальчика, приказав тому что-то... не разбери-пойми что.

Вскоре пацаненок вернулся, волоча целую охапку одежд. Переобуваться Паха с Жекой не стали – с армии к берцам привыкли, но переоделись.

С рубахами-вышиванками они мигом разобрались, а вот со штанами закавыка вышла – ни ширинок на них, ни молний, только дырки на поясе, а сквозь них шнурок пропущен.

– А пуговицы где? – вознегодовал Лобов. – Жека, да они все пуговицы пооторвали! Прикинь?

– Успокойся, – сказал Комов, – до пуговиц тут еще не додумались.

– Чё, в натуре?! А как тогда... – Подвязывай!

Затянувшись шнурком-гашником, Евгений помахал руками – нигде не жмет? Вроде нет.

– Держи!

Купец схватил перстень, не удержав хитренькой улыбочки.

– Думает, обдурил дурака, – хмыкнул Комов. – Да там того золота – тьфу!

– А камень?

– Да какой камень... Синтетика. Пошли!

Шагая в ногу, они отправились в город, дивясь деревянным мостовым и высоченным тынам, огораживавшим усадьбы.

Не сразу и скажешь, что выше – стена крепостная или эти заборы.

Павел шел и спотыкался – никак на рубаху свою наглядеться не мог.

У ворота всё узорами расшито, и на груди, и по швам, а рукава – длиннее штанин! Если тесемками не подвязать в том месте, где нормальные люди запонки вставляют, будут висеть ниже колен.

Но всё равно красиво. Вот только...

– А чего девки на нас так пялятся? – поинтересовался Лобов.

– Первые парни на деревне! – ухмыльнулся Комов, горделиво прямя плечи. – А в деревне – один дом. – А чего тогда хихикают?

– Смущаются, наверное...

Встречные девицы тарасились на них и прыскали в кулачки. Или косами прикрывались. Евгений почувствовал смутное беспокойство.

Оно резко усилилось, когда какой-то мужик, парившийся в кафтане, увидел дембелей. До того равнодушно созерцавший сцены уличной жизни, он встрепенулся, ощерил желтые зубы и гулко захохотал.

– Да чё такое?

Комов оглядел себя, но никаких изъянов не обнаружил. Чего тогда местных на «хи-хи» пробивает?..

Зашагав поживее, друзья оказались перед воротами в зеленом валу, открывавшими вид на громадную избу.

– Стопэ! – сказал Комов. – Нам туда нельзя. Тут какой-нибудь... этот... князь прописан.

– Или король!

– Или король.

– А давай обойдем?

– Давай.

Тут из ворот вышли самые настоящие витязи – в шлемах своих, в кольчугах. Викинги? Или варяги? Да один хрен...

Похохатывая, воины приблизились к «гостям из будущего» и стали что-то такое говорить... Понять бы, что.

Седой воин исполнил па странного танца, и витязи дружно захлопали дембелям: просим, просим!

– Па-аха... – осенило Евгения. – Да они нас за этих... за скоморохов держат!

– Зашибись! – вытаращился Лобов. – И чё?

– Танцуй!

– Ты базар-то фильтруй... – неуверенно молвил Павел.

– Танцуй, сказал!

Друзья пустились в странный пляс, бухая каблуками по толстым доскам, которыми была вымощена улица.

Воины подбодрили их лихим посвистом. Мигом набежала толпа местных, охочих до зрелищ.

Когда Лобов изобразил лунную походку, зрители завопили от восторга, и тут уж Комов не сплеховал – упав на спину, закрутился в нижнем брейке. Толпа неистовствовала...

Павел, раскрасневшийся от движения и всеобщего внимания, заревновал – и показал нечто в стиле хип-хоп.

Тут гашик его развязался, портки свалились. Запутавшись в мотне, Лобов и сам ляпнулся, загремев по мостовой. Успех был оглушительный.

Красный от стыда и злости, Паха вскочил, подсмывая штаны. Толпа ухахатывалась – и тут же чьи-то нежные ручки и загрубелые мозолистые лапы принялись совать ему пирожки, яйца, сухари...

Комов, тот полностью вошел в роль – кланяясь, обходил зрителей, собирая «плату» в подол, чем смешил всех до икоты. Витязи расщедрились – утирая слезы, они бросали Евгению половинки серебряных монеток, а то и целыми отдаривались.

Провожаемые смехом и добродушными тычками, дембели удалились, оглушенные – и ничегошеньки не разумеющие.

– Звезды, блин, – пробормотал Комов, стыдливо отворачиваясь.

– Отожгли по полной программе... – добавил Лобов.

По ту сторону маленькой крепости, на берегу неширокой речки, трудились мужики, туюкая топорами, забивая клинья в бревна и раскалывая те повдоль.

– Чего это они делают? А, братан?

– Да хрен их знает...

Забравшись в большой лодочный сарай, напарники пристроились у щели, поглядывая в нее по очереди, – отсюда, через вторые ворота, весь «королевский дворец» просматривался насквозь. Полнейшее неведение бесило Евгения, но запах съестного путал мысли – соображалка отказывалась работать на голодный желудок.

– Налетай!

Друзья, не евшие с утра, схомячили всё заработанное, и их потянуло в сон. Смеркалось.

Жека с Пахой устроились ночевать на грудах разлохмаченных канатов да на старых, прелых парусах.

Комов долго не мог уснуть. Мешало всё – чужие запахи, чужие звуки. Чужой мир.

В полнейшей тишине вдруг начинала ухать сова. Взмаивала собака. «Слу-уша-ай!...» – доносился голос ночной стражи.

«А вдруг мы тут на всю жизнь?! – пронзило Евгения. – На фиг, на фиг...»

Надо полагать, Лобова пугали похожие страхи – Паха всё ворочался, вздыхал тяжело.

– Чё не спишь?

– Да мысли всякие в голову лезут... – Кончай мыслить. Отбой.

...Комов захихикал. Сиятельный им потом объяснил, отчего они с Пахой такой успех имели, – торгаш, сволочь этакая, им девчачьи рубахи продал, убивальницы, в которые только невест наряжают, чтоб те плакали перед свадьбой, убивались понарошку.

Евгений так и заснул, с улыбкой на лице. Отбой... А вот Олега в сон не тянуло. Видать, на губе отоспался на неделю вперед.

Сухов сидел, сложив ноги по-турецки, и бездумно пялился в костер.

Мужчина в годах, но всё еще крепкий, с клеймом каторжника, добавил огню пару чурок, да и подсел к Олегу поближе.

– А ты, московит, сдюжил, – сказал он запросто, словно знаком был с Суховым с детства.

– Против Виллема-то? – лениво уточнил Олег.

Клейменный кивнул.

– Только следи теперь за ним, – проговорил он. – Косматый не только внешне волосом зарос, но, наверное, и внутри. Будет пакостить тебе и по мелочи, и покрупному. Так что бди.

– Спасибо, что предупредил, – серьезно сказал Сухов. – Сам-то кем будешь?

– Человеком, – пожал плечами каторжник. – Конченным, правда. Ну да Господу виднее. Наверное, и такие Ему нужны. А зовут меня Игнаас. Было время, когда ко мне обращались «ваше сиятельство», но всё проходит, в одну и ту же реку дважды не ступишь...

– Игнаас, – по-прежнему серьезно проговорил Олег, – я тоже, бывало, в шелках ходил, а не в этом тряпье. Это самое... теперь я никто, но это не навсегда. Пока ты жив, нельзя считать себя конченным – всему свой черед, зачем же торопить неизбежное?

И стоит ли ссылаться на Господа? Я верю в Бога, но жизнь вечная, муки ада и улады рая – это вздор, придуманный попами, страшилка, чтобы пугать паству и торговать благодатью в розницу. Срок, отмеренный нам, краток, но это всё, что дано человеку.

Игнаас тихонько захихикал.

– Зря я тебя предупреждал насчет Виллема, – сказал он, улыбаясь. – Для тебя это прах – отряхнул и дальше пошел. А я... Всё, что у меня было, я потерял – дом, богатство, семью. Всё! Живу будто по привычке. И чем жизнь раба хуже или лучше жизни владеющего рабами? Все мы дышим одним воздухом и шуримся на единое светило. А всё прочее – от лукавого. Нажить злата или нажить ума – что важнее? Как решишь, так и живешь. Сделал свой выбор – и топай, пока душа не расстанется с телом. Не знаю уж, что ты задумал, а только удачи тебе. Прощай.

– погоди, – остановил его Сухов. – Спасибо, конечно, за пожелание, ну а если помочь?

Каторжник склонил голову к плечу.

– Чем?

– Голландский знаешь?

– Почти с рождения.

– Это самое... научи меня десятку-другому фраз.

А то, сам понимаешь, трудно безъязыкому.

– Да легко!

И весь остаток вечера Олег с Игнаасом посвятили уроку голландского...

Глава 6, *в которой Олег занимается греблей*

Рано утром шиурму вывели на причал.

Шагая в шаркающей, звякающей, кашляющей колонне, Олег прислушивался к разговорам вокруг, хоть и понимал с пятого на десятое:

– Хмырь толкует – в Брюгге идем.

– Эт-хорошо...

– Чё хорошего?

– Близко...

– Слыхали? Самого Деда повезем!

– Иди ты!..

– Да правда! Сам слышал, как комит с чинами какими-то базарил.

– Ну и черт с ним. Главное, что не на войну.

– И не говори... Потопят если – все спасутся, кроме нас, грешных!

– Да уж... Помнишь Косого? Ну старикан такой был, всё косил! Двужильный прямо. Сам-то до костей усох, а всё одно крутил весло, как заведенный. Так он рассказывал, как однажды их галера тонула, и как ему повезло – брус прогнил, и он таки смог кандалы вырвать. – А толку? Они же сразу на дно утянут!

– Правда твоя. И утянули бы, коли б мачта срубленная не подвернулась. Так и до берега доплыл. Только собрался цепи разбить, а тут солдаты! «Живой? – говорят. – Молодец! Марш на новую галеру!»

– Суки...

Олег слушал и мотал на ус – фигурально, разумеется, поскольку усы у него были сбриты.

Пока что он понятия не имел, как быть и что делать. Знал только, что задерживаться на галере не собирается – ему есть чем заняться.

А вот известие насчет Деда – это здорово. Если слухи правдивы.

Дедом ласково звали Михаэля де Рюйтера, адмирала, насколько знаменитого, настолько и любимого флотскими – что капитанами, что простыми матросами.

Выходец из народа, де Рюйтер, по сути, стал отцом «правильной» – линейной тактики, когда корабли выстраивались в линию кильватера, обращаясь к противнику одним бортом.

Недаром трехдечные фрегаты так и назывались – линейными кораблями...

Смутная идея забрезжила, укрепляясь в мыслях.

Галера «Нептунус» выглядела внушительно – две мачты с косыми парусами, десятки мощных весел, сложенных на филаретах – особых стойках над постицами, этакими брусьями, вынесенными за борта на опорах, на них как раз и находились уключины.

За кормой на привязи качалась шлюпка – ялик на четыре весла с невысокой мачтой.

Правда, нипе, кормовая надстройка, выглядела куда скромней, чем на французском «Реале», сказывались республиканские модные тренды, помноженные на скромность, которую исповедовали протестанты.

Легкие стенки перекрывались поверху тентом-табернаклем, проседавшим на полукруглых дугах.

Между надстройкой и первыми банками места было совсем мало – три шага сделать, и то проблема.

И на этом-то крошечном пятачке сустились офицеры во главе с капитаном, толкаясь и мешая друг другу, – теснотища.

Матросы возились на носу и на длинном галюне, что вытягивался в шпирон, надводный таран, смахивавший на бушприт.

По куршее, узкому помосту выше палубы, что тянулся от надстройки до бака, перебежали аргозин с помощникомсуаргузином – они словно готовились к приему гребцов.

Встречать шиурму вышел комит в черном камзоле, с серебряной дудкой на груди. Зычным голосом он стал командовать:

– Последняя пятерка по левому борту – марш! Последняя по правому борту – марш! Живее, живее, каналы!

Аргозин красноречиво покачивал смотанным кнутом, обещая в случае чего придать ускорение особо неторопливым.

Бранкада за бранкадой, поддерживая кандалы, перекинутые через плечо, гулко топали по куршее, спрыгивали к своим банкам, и рассаживались по всем правилам гребного искусства.

– У-ужас... – пробормотал Пончик, гремя цепью. – А помнишь, Олег, как викинги гребли? Да и варяги не хуже... Никогда бы они не посадили за весла презренного раба! Угу...

– Цепь подбери, презренный, – посоветовал ему Яр. – Скоро наша очередь. Ты первым, не забыл?

– Помню, – буркнул Шурик. – Угу...

– Кормовая бранкада по правому борту – марш!

Пончик ринулся по трапу, одолел полпалубы поперек и спрыгнул к своей банке, шустро занимая место у самого борта.

Рядом с ним плюхнулся Быков, следом уселись Паха с Жекой. С краю пристроился Сухов – старший по банке. И загребной.

Именно кормовые загребные задавали ритм гребле, сбиваться с которого было никак нельзя.

Во-первых, аргозин не пожалует, а, во-вторых, сам гребец, потянувший весло чуть раньше или позже остальных, рисковал получить по голове соседним веслом – сидели-то все впритык!

Вот уж где чувство локтя принимало характер буквальный.

По куршее прошелся суаргузин, раздавая деревянные кляпы на веревочках – гребцы их вешали на шею, чтобы по команде сунуть в рот.

Следовало беречь уши капитана от криков, стонов и проклятий, ежели будет приказано ускорить ход до крайности.

Или если ранит кого в бою – к чему портить офицерское настроение всяческими визгами?

Сукомит с аргузином, начиная с кормы, закрепили все кандалы.

– Готовность номер один, – пробурчал Быков.

Первую банку от кормы по левому борту заняли те самые добровольцы, что вчера задумали развести Сухова на деньги. Загребным у них сидел недодушенный Олегом Виллем Косматый.

– Здорово, Виллем, – ухмыльнулся Сухов. – Соседями будем!

Косматый злобно оскалился.

– Не злись, – миролюбиво сказал Олег. – Просто я не люблю, когда на меня наезжают. Кроткий я, смекаешь? Если меня ударят по левой щеке, я даю сдачи. Натура такая, что уж тут поделать. Это самое... хочешь быть главным на этой лоханке? Да ради бога! Лично мне тут скучно. Я, бывало, по приказу императора неугодных ему королей скидывал с трона, а покладистых – подсаживал.

– Ага! – хмыкнул Виллем и сплюнул под ноги. – Ври больше!

– Сиятельный не врет! – прогудел Паха.

– Да ладно, – фыркнул Сухов. – Я-то знаю, как дело было, этого достаточно.

– И я! – поддакнул Шурик. – Угу... – И я, – кивнул Быков.

– И мы! – подвели черту Лобов с Комовым.

– Разговорчики! – тут же взревел аргужин.

Бич шелкнул и протянул Олега по спине. Удар был слаб, даже рубаху не распорол, но унижение куда хуже боли.

Сухов не стал предупреждать надсмотрщика о том, какова именно будет его печальная участь, но ледяной взгляд, брошенный на человека-без-шеи, впустил в себе куда больше целой обвинительной речи.

– Олег! – шепнул Пончик.

– Что? – процедил Сухов.

– Смотри! Там, на берегу! Это тот самый, который купил нас в Алжире!

Олег посмотрел. На пристани стоял плотный человек, уже в возрасте. Одет он был во всё черное, от туфель с пряжками до шляпы, а плечи его покрывал длинный черный плащ.

Выражение лица черного разобрать было трудно, но исходящую от этого человека опасность и силу Сухов почуял – будь он псом, шерсть у него на загривке непременно встала бы дыбом.

Волосы из-под шляпы у черного выглядывали косицами, и крестовидный шрам на левой щеке выделялся довольно отчетливо.

Рассмотрев всё, что ему нужно было, человек в черном плаще резко развернулся и пошел себе.

Его тут же заслонила подъехавшая карета, запряженная шестеркой лошадей.

Впереди и позади экипажа гарцевали мушкетеры.

Всё начальство галеры тут же засуетилось, забегало, матросы выстроились, да и офицеры тянулись во фронт.

Меж тем дверца кареты открылась, выпуская мужчину средних лет, статного, крепкого и ловкого. На его широком полноватом лице выделялись густые вздернутые усы.

Это был Михаэль де Рюйтер. Помахивая тростью из черного дерева, прикладываясь пальцами к фетровой шляпе, адмирал прошествовал к галере и поднялся на борт.

Заслушав капитана, кивнув офицерам, окинув взглядом шиурму, де Рюйтер вполголоса скомандовал отплытие:

– Отдать носовой! Отдать кормовой! Весла разобрать!

Весла были тяжеленные, чуть ли не пятнадцати метров в длину. С тупым громыханьем опускались они на место, проседали на уключинах, плюхались лопастями в воду.

Валек весла был толщиной в ногу – бревно бревном – и хвататься гребцам надо было за приделанные скобы. Сухов взялся за тонкую рукоятку, торчащую с краю.

Оттолкнувшись от причала, галеру вывели на стрежень.

– Весла на воду! И – раз! И – два!

Тут вперед вышли мускулистый барабанщик и пара флейтистов. Пронзительные звуки флейт сочлись с мерными ударами в гулкий барабан, задавая ритм.

Уперев одну ногу в брус, другую в кормовой помост, Сухов вынес весло, погрузил – и потянул на себя.

Павел с Евгением живо подстроились под него, тягая в лад, – сказывался долгий опыт.

Яр больше помогал, чем мешал, а о Шурике можно было и не думать.

Вперед – назад. От себя – на себя. И – раз! И – два!

Прогибался Олег так, что почти доставал кормовую надстройку. И распрямлялся едва не ложась на колени загребному, сидевшему позади него. И – раз... И – два...

Тут молодой, но больно прыткий суаргужин решил самоутвердиться за счет Сухова.

А может, он просто захотел сделать приятное своему шефу, аргужину, укрепляя дисциплину?

Так или иначе, но этот шустрик замаячил сбоку от Олега, гнусненько ухмыляясь да поигрывая кнутом.

Он помахивал плетью, делая вид, что вот-вот огреет Сухова. Видимо, ожидал испуга, вжимания головы в плечи и прочих красноречивых телодвижений.

Однако Олег обращал на него ровно столько внимания, сколько на муху в жаркий день – та тоже жужжит, пристает, успевая избежать рокового шлепка.

Сухов глянул вверх и встретился со взглядом умных глаз де Рюйтера. Дед понятливо сощурился, намечая улыбку.

Не отличаясь особым умом, суаргузин спрыгнул с куршей в узкий промежуток между скамьей и шкафутом. Теперь его кнут плясал прямо перед глазами Олега.

Неизвестно, что бы на это сказал аргузин, а Сухов отрывисто бросил:

– Пшел вон!

Молодой надсмотрщик пришел в замешательство от подобной наглости, взялся покрепче за кнут – и нога Олега, ранее упиравшаяся в брус, резко ударила суаргузина в промежность, после чего жестко припечатала к дощатому настилу шкафута.

– Х-ха! – сипло выдохнул суаргузин, роняя кнут.

Сухов убрал ногу, и надсмотрщик упал вслед за плетью.

Со шкафута вниз перевесился комит с болтавшейся дудкой, спросил, что с парнем, и Олег вежливо ответил: – Сомлел!

И – раз! И – два! От себя – на себя. Вперед – назад...

Глава 7, *в которой Олега выводят из себя*

Хорошо сбалансированное весло слушалось гребцов. Галера спускалась по реке к морю, и ход был довольно-таки скорый.

С берега доносилось мычание коров, ржание лошадей, стук топоров и визг пил. Мимо, вверх по течению, тащились купеческие пинасы и флейты. Ветер дул с моря, наполняя паруса кораблей, а вот у галеры был иной привод.

Вскоре все звуки пригасли, подавленные скрипом уключин, плеском весел, уханьем и кряхтеньем, вырывавшимся из сотен плоток.

Порою ветер стихал, и тогда жар и смрад почти трех сотен разгоряченных тел полнил галеру. Слава Богу, снова налетал бриз, позволяя вольготно дышать.

Пока что Олег не испытывал особых неудобств от гребли. Напротив, тело, отвыкшее от движения на гаупт вахте, радовалось приложению сил.

Но тут капитан, желая выслужиться перед Дедом, приказал комиту прибавить скорости. Комит тут же взял в рот свою дудку и засвистел. Ему вторил сукомит.

Надсмотрщики разбежались по куршее, требуя сунуть в зубы затычку из пробки:

– Кляп в рот, каналы! Живо! Кляп в рот!

Барабанщик ускорился, отбивая ритм почаще, и Сухов приналег на весло. Когда он очередной раз прогнулся, спину его обжег кнут.

– Кляп в рот, кому сказано? – прорычал аргузин.

– Я тебя убью! – вырвалось у Олега.

Лицо человека-без-шеи исказилось, он замахнулся, распуская плетъ, но властный голос де Рюйтера остановил его.

Сухов поглядел на Деда, и снова глаза – в глаза. Адмирал смотрел изучающе, игнорируя опасный блеск во взгляде Олега.

– Чего ты кляп не взял? – поинтересовался Пончик. – Он чистый, ты не думай. Их при мне резали из пробки. Угу...

– Да я не брезгливый, – выдохнул Сухов, загребая, – противно просто. Будет тут всякое чмо... – Не договорив, он выдохнул, прогибаясь вперед и занося весло.

А гребцы за его спиной мычали, стискивая кляпы, и этот надрывный стон ходил волнами, пуская мурашки по коже.

Ненужную гонку первым проиграл Пончик. Совсем немного времени потребовалось, чтобы он выдохся. Вторым в финал вышел Яр. Оба только качались, цепляясь за весло, но тягать его они больше не могли.

Быков был красный от стыда.

– Я... выложился... – хрипло выдавливал он, со всхлипом вбирая воздух. – Сдох...

Дышать было больно, легкие словно обжигало воздухом.

Яр сильно переживал – вроде и бицепсы-трицепсы накачаны, а вот, поди ж ты, уработался.

С Пончиком всё ясно: с выражением зомби на лице не Шурка весло тягает – весло тягает Шурку, мотыляя туда и обратно.

А Сухов гребет, как машина, как наглядное пособие для демонстрации возвратно-поступательного движения.

Быков припомнил, как он впервые повстречался с Олегом. Случилось сие на фестивале исторической реконструкции, до которой Яр был большой охотник.

Он тогда поединок затеял, дабы все полюбовались, какой он умелый рубака.

Противник его, Сёма Жестянщик, представлял викинга – он был в длинной кольчуге-бирни, с круглыми шлемом и щитом, а вот Быков щеголял в великолепных рыцарских доспехах XIV века, вороненых, с серебряной чеканкой, – денег хватало...

«Черный рыцарь» двигался быстро, лихо орудуя мечом. «Викинг», высокий, толстоватый парень, был неповоротлив, он отмахивался секирой от клинка, полагаясь на силу, и не поспевал за шустрым противником.

Вот рыцарский меч коснулся бычьей шеи «норманна», и обступившие поляну знатоки заголосили:

– Готов! Адекватно, Яр! Улоф Змеиный Глаз, ты убит!

Рыцарь, салютуя мечом, поднял щелястое забрало.

Сухов, упакованный в потертые джинсы и мокасины, в домотканую рубаху с богатой вышивой у ворота, стоял неподалеку, наблюдая за поединщиками. Его широкие плечи покрывала длинная куртка из оленьей шкуры, выделанной добела, щедро расшитой бисером и мелким речным жемчугом, а на ремне висели ножны с византийским мечом акуфием, чей не слишком длинный клинок пробивал кольчугу.

От Олега исходила спокойная холодная сила, а тут – типичный мажор, избалованное дите богатеньких родителей.

Яр мигом приметил Олегову усмешку, вспыхнул, как маков цвет, и, стащив с себя шлем бацинет, встряхнул длинными волосами, слипшимися в сосульки.

– Кто ты, дерзкий странник? – выпренно спросил он.

– Магистр Олегарий, – спокойно ответил Сухов. – Обращаясь ко мне, следует добавлять: сиятельный.

По толпе пробежал шумок, а Быков картинно вскинул меч.

– Я вызываю тебя на бой! – воскликнул он. – За непочтительность!

– Ладно, – пожал плечами Олег.

Пончик сказал негромко: – Это и есть Яр Быков. Угу... – Я так и понял.

– Эй, оруженосцы! – кликнул Яр. – Негоже биться в латах с бездоспешным!

Суетливые оруженосцы, больше похожие на студентов старших курсов, кинулись к нему – расстегивать кожаные ремешки и вскрывать рыцарский панцирь.

– Защищайся, сиятельный! – сказал Ярослав церемонно, тут же переходя в атаку.

Сухов отбил наскок легко, будто играючи, и совершил молниеносный выпад. Острие акуфия уткнулось «рыцарю» в шею.

– Убит, – сказал Олег.

– Это нечестно! – воспротивился Быков. – Я не успел!

– Потому и мертв, – пожал плечами магистр, пряча клинок в ножны.

– Давай сначала? – разгорячился Яр. – Выхватываем мечи на счет три. Борька, считай!

Белобрысый Борька повел счет:

– Ра-аз... Два-а... Три!

«Черный рыцарь» только потянул меч из ножен, когда Олегов акуфий чиркнул наискосок по его стеганому поддоспешнику. Сверкнул крылышком стрекозы, взвиваясь с шелестом в воздух, и легонько шлепнул Ярослава по плечу плоской стороной – голомению.

– Я выпустил тебе кишки, – любезно сообщил Сухов, – и подрубил голову. Надеюсь, это уж точно несовместимо с жизнью?

Ошеломленный Быков только рот раскрыл. Из толпы крикнули:

– Неадекватно!

– Адекватно! – со злостью сказал мажор, швыряя в ножны меч. – Это ж надо, а? И я еще считал себя мастером! Ха! Ты где так наострился?

– В дружине Рюрика, – ответил Олег, намечая улыбку.

Заметив, что Шурик встревожился, Олег состроил пренебрежительную гримаску – дескать, всё равно никто не поверит! Так что страху нет...

– Рюрика? – поднял брови Яр. – Не помню такого...

– Был, был такой, – уверил его Сухов. – Рорик, сын Регинхери, рейкс вендский. Нормальный мужик, кстати. Ну бывай...

Повернувшись к мажору спиной, Олег двинулся на запах шашлычка...

– ...И – раз! И... два!

Лобов с Комовым держались часа четыре, втроем с Суховым ворочая веслом.

В какой-то момент Олег растерял все мысли и желания, превращаясь в механизм для гребли. Силы подходили к концу, он держался на одной воле.

Мир оказался как бы заткан полупрозрачной пеленой, шум крови в ушах глушил все звуки.

Неожиданно из окутывавшей его тьмы возникла рука сукомита, сунувшая Олегу кусочек хлеба, смоченный в вине.

Находясь как бы в трансе, он схватил хлебец губами и умял, чувствуя, как проясняется в голове.

– Суши весла! – как глас с небес прозвучал приказ.

Медленно, напрягаясь до дрожи, Сухов, Павел и Женька закрепили весло в кожаной петле, и оно повисло над водою, роняя капли. Всё!

Теперь забегали матросы. Длинные рю, изогнутые, словно удилица, были стоймя закреплены у мачт, дабы не мешать гребле. Теперь их разворачивали, ставили паруса, и те ловили ветер.

Олегу, по правде говоря, было совершенно всё равно. Мышцы ныли и горели, сила их покинула. Плохо, очень плохо...

– В море вышли, – пробормотал Комов.

– Базара нет! – выдохнул Павел.

– На юг идем, – поделился наблюдением Пончик. – Угу.

Сухов не вступал в разговор, было ему хреновато.

Усталость телесная затронула и душу.

Он сам себе казался сейчас странником, поднявшимся на горный перевал, и всё ради того, чтобы убедиться – впереди долгая и трудная дорога, и находится он лишь в самом начале пути.

Олег усмехнулся. Кыш, дурные мысли! Устал он, видите ли. Ничего, потерпишь.

Когда две лягушки угодили в крынку со сливками, одна сразу лапки сложила и на дно пошла – всё равно ж помирать. А другая изо всех сил колотилась, тем и спаслась – спихнула масло да и выбралась из ловушки.

А истома пройдет. Главное – не сдаваться.

Приподнявшись со скамьи, Сухов осмотрелся. Море вокруг. Низменный берег Нидерландов почти сливался с кромкой вод. И никого, только белеет парус одинокий...

Выскочил капитан, угодливо раздвигая полог шатра.

На шкафут шагнул де Рюйтер и тоже огляделся вокруг.

В то же мгновение плечи Олега обожгло плетью.

– А ну сел!

Сухов молниеносно развернулся, хватаясь за плетень и дергая на себя. Аргужин не устоял, покачнулся, отпуская кнутовище, и упал Олегу под ноги. Тот, не думая, ударил безшеего по горлу костяшками пальцев, вбивая кадык.

Вывав у надсмотрщика кнут, Сухов резко встал, раскручивая трофей.

Офицеры, столпившиеся на шкафуте, еще толком не осознали случившееся, слишком быстро всё происходило.

Свистнув, плетью обвила шею де Рюйтера. Адмирал, багровея, поднял руки, спеша освободиться, но Олег уже тянул кнут на себя.

Надо отдать должное Деду – приземлился он на ноги. Сухов тут же, лязгнув цепью, зажал шею де Рюйтера локтем, правой рукою выхватывая кортик из адмиральских ножен.

Уткнув острие во второй подбородок заложника, Олег громко оповестил офицеры на плохоньком голландском:

– Стоять всем и не дергаться! Я смертен, но Дед умрет первым! Скажите им, адмирал. Де Рюйтер просипел:

– Слушайте его...

– Понч, – позвал Сухов по-русски, – убери кнут.

Дотянешься?

– Д-дотянусь. Угу...

Без ременной удавки адмирал вздохнул свободнее – и тут же почувствовал холодное касание своего же кортика.

– Шлюпку к трапу! – приказал Олег. – Бранкаду расковать! Живо!

Капитан, видимо, готовился выступить резко против, но немигающий взгляд де Рюйтера оказался более чем красноречив. Неохотно, но приказы были отданы.

Виллем окрысился, пытаясь пнуть Сухова или сделать подсечку, однако Олег пресек его контрпродуктивную деятельность, заехав Косматому пяткой в нос.

Перепуганный суаргузин, опасливо переступая труп своего непосредственного начальника, живо расковал всю пятерку. Матросы уже подвели шлюпку к правому борту.

– Очистить шкафут! – велел Сухов. – И без глупостей, внучатки, если хотите застать Деда живым! Понч, Яр, Паха, Жека, – быстро в шлюпку!

Тем повторять нужды не было – моментом перебежали и спустились в ял. Сунули весла в уключины, подняли бледные лица.

Олег, ожидая удара в спину, неуклюже перелез в шлюпку, волоча адмирала с собой.

– Весла на воду!

Четверо из бранкады погребли с бешеным рвением, словно и не ворочали недавно веслами на галере.

«Нептунус» удалялся, и шиурма словно обезумела – вой, крики, чернейшая брань, свист, хохот разнеслись над морем, мешаясь с топотом и звоном кандалов. – Паха, Жека, суши весла! Это самое... мачту ставьте.

– Есть, капитан! – гаркнул Комов.

Привыкшие к съемным мачтам на лодьях и скедях, Паха да Евгений живо справились с ялом, затягивая снасти.

– Парус поднять!

Ветер свежел, унося шлюпку к юго-востоку. Галера потихоньку шла следом, плавно переставляя весла, будто чудовищная водомерка.

Лишь теперь Сухов отпустил адмирала, подталкивая того к банке, и рухнул на место рулевого.

– Уф-ф! Вымотался совершенно...

– Олег! – вскричал Шурик и замотал головой, не находя слов.

– Присоединяюсь! – захохотал Яр.

Олег слегка поклонился де Рюйтеру и сказал:

– Прошу прощения, адмирал, за доставленные неудобства, но увеселительная прогулка на галере не входила в мои планы.

– Вы москвит? – спросил Дед на довольно приличном французском. Страху в нем не наблюдалось.

– Мы тут все москвиты.

– Этот человек, – адмирал кивнул на Евгения, – назвал вас капитаном...

– Я и есть капитан. Корсар его величества Олега Драй. Жаль, что мы с вами, минхер, в разных лагерях.

Де Рюйтер хмыкнул и прищурился.

– Скажите, капитан Драй... Будь вы адмиралом, когда за вашим флагманом стопушечные корабли, не выстроившиеся в линию, и еще одна колонна фрегатов, рангом поменьше, а ваш противник уже выстроен и готов дать залп? Что бы вы сделали?

Сухов ухмыльнулся, припоминая новации адмирала Ушакова.

– Дал бы приказ трехдечникам стать в правильный строй, не соблюдая порядка, – как встанут, так и встанут, лишь бы в линию.

– Сие вы называете правильным? – фыркнул адмирал.

– Для кабинетных стратегов это нарушение, но в предложенной вами ситуации оно позволит сэкономить время. – Ну хорошо, допустим! А дальше что?

– Ну-у, у меня же есть еще колонна фрегатов. Они бы зашли в тыл противнику.

– Зачем?!

– Чтобы взять супостата в два огня.

Адмирал покачал головой.

– Признаться, я испытываю одновременно негодование и восхищение! – сказал он. – Послушайте, а не желаете ли пойти ко мне на службу? Разумеется, стопушечный корабль я бы вам не доверил... ну, по крайней мере сразу, но фрегат под командование – почему бы и нет?

– Благодарю, экселенц, – улыбнулся Олег. – Поверьте, это для меня весьма лестное предложение. Однако я вынужден отказаться от него – у меня свой путь. Эй, гребцы, чего прижухли? И – раз! И – два!

Шлюпка, и без того подгоняемая ветром, ускорила свое движение. До берега было недалеко – полоска дюн с пучками прошлогодней травы выростала за белой линией прибоя.

– Паруса долой!

Ялик с шорохом накатил на песок.

– Засим прощайте, минхер, – сказал Сухов, протягивая руку к шпаге адмирала: – Позвольте...

Де Рюйтер молча снял перевязь и протянул Олегу клинок. Отцепил и ножны кортика. А потом опорожнил кошель, висевший у него на поясе, и протянул Сухову жменю серебряных гульденов.

– Возьмите, пригодится.

Подумав, Дед стащил с пальца перстень с крупным изумрудом.

– И это тоже.

– Благодарю, экселенц, – серьезно сказал Олег. – Прощайте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.